

ВЯЧЕСЛАВ КУМИН

ПАДЕНИЕ РЯЯ

Вячеслав Кумин

Падение рая

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170302

Вячеслав Кумин «Падение рая»: «Ленинградское издательство»; СПб;

2008

ISBN 978-5-9942-0088-9

Аннотация

Спустя 2000 лет взвод лейтенанта Камышова, замороженный в горах под лавиной, получил шанс на вторую жизнь – ведь только воины из прошлого способны спасти земную цивилизацию от космического вторжения.

Содержание

Пролог	4
1	21
2	27
3	31
4	37
5	45
6	49
7	53
8	59
9	65
10	67
11	73
12	79
13	86
14	92
15	100
16	108
17	115
18	118
19	124
20	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Вячеслав Кумин

Падение рая

Пролог

Земля. Наши дни, где-то в одной из «горячих точек»...

Недельное преследование противника подходило к концу. Разведвзвод лейтенанта Камышова, выполняя несвойственную ему роль преследователя, вышел на заброшенный полустанок, словно на блокпост, охранявший «железку», ведущую к такому же заброшенному золотому прииску.

Где-то здесь бандиты укрылись вместе с заложниками, мирными строителями, используя их как живой щит от возможного авиаудара со стороны федеральных сил. К прииску, где спрятаться гораздо легче, они добраться уже не успевали – погоня наступала на пятки, и они это знали.

Позади остались десятки тяжелейших заснеженных перевалов, в горах от нехватки кислорода солдат быстро покидали силы, этому способствовал и глубокий снег. Бойцам приходилось подолгу отдыхать на стоянках, чтобы организм акклиматизировался к тяжелым условиям, и накапливать силы для очередного перехода через кручи.

Лейтенант понимал, что боевики тоже выдохлись. Они хоть и знали здесь все и вся, привыкли к жизни в горах с са-

мого рождения, но все равно находились в роли убегающих. К тому же боевикам приходилось тащить за собой пленников, без живого щита их давно бы уже уничтожила «касатка» – штурмовой вертолет Ми-24. Так что силы были примерно равны, как у тех, кто убегал, так и у тех, кто преследовал.

Лейтенант иногда терял след боевиков, но он воевал здесь достаточно долго, чтобы отыскать его вновь даже по едва различимым признакам.

В последний раз, например, они нашли труп пленного рабочего. Видимо, он совсем выбился из сил, и потому его убили, так как он стал обузой и мешал движению.

Солдаты оставили его лежать как лежал, боясь выдавать себя взрывом, если под трупом вдруг окажется граната. Боевики любили такие «шутки». Впрочем, и у федералов имелись свои излюбленные и не всегда законные приемы.

Дальше след был четким. Бандиты перли напролом, не скрываясь, своим звериным чутьем чувствуя, что уже далеко уйти не смогут и нужно отсидеться и решить, как действовать дальше: с боем идти на прорыв или же сдаться на милость правосудия, или же придумать что-то еще.

– Чуй, ты видишь их? – спросил лейтенант у снайпера.

Раскосый выходец из северных народов отрицательно мотнул головой, не отрываясь от окуляра оптического прицела.

– И я не вижу, – горестно сказал лейтенант, отстраняя бинокль от глаз.

Если не видел Чуй, то ему вообще смотреть бесполезно. В остроте зрения своего ефрейтора лейтенант не сомневался.

Группа залегла за низенькими деревьями в четырехстах метрах от полуразрушенных зданий полустанка и прилегавшего к ним поселка.

– Где же они, мать их?...

Здания выглядели безжизненными. Нигде нет никакого движения или видимых на земле следов пребывания бандитов. Они умели прятаться...

«Этого у них не отнять», – мрачно подумал лейтенант. Ну, не уважать же их за то, что они умеют прятаться?...

Крепче всех выглядело административное здание. Оно и понятно, кирпич лучше держал удары стихии, чем тонкие доски из мягких пород древесины. Но это не значит, что боевики засели именно там, хотя как знать? Извращенная человеческая логика на войне делала свои, подчас необъяснимые, загадки, и боевики могли оказаться именно в этом самом крепком здании, где по логике их быть не должно.

Ночь в горах наступала быстро, едва солнце скрывалось за далеким хребтом, как тут же опускалась темнота. А вместе с темнотой усиливался пронизывающий ветер, становилось еще холоднее.

К лейтенанту подошел радист, протягивая наушники с переговорным устройством, провод от которого тянулся к тяжелой рации за спиной рядового Землемчука.

– Что? – задал в общем-то ненужный вопрос лейтенант

Камышов: если пришел радист и протягивает трубку рации, значит, дело серьезное.

– Вас вызывает полковник Градский.

– Давай его сюда...

Лейтенант раздраженно взял наушники. Любой незапланированный выход на связь мог обернуться для его группы гибелью. У боевиков отличная аппаратура, легко уместящаяся в руке, вместо этих «гробов» на спине у войсковых радистов. Оставалось только удивляться, как это худосочный Шура мог таскать такую тяжесть по горам.

– Слушаю вас, господин полковник.

– Ромео, воздушная разведка докладывает, что в вашу сторону движется большая группа боевиков. Мы нанесли по ним удар, но сам понимаешь, даже потеряв половину своих бойцов, от своей затеи они не откажутся. К тому же мы их посеяли. Они наверняка разбились на мелкие группы по три-четыре человека...

– Как близко они от нас? – быстро спросил лейтенант, зная, что при таком раскладе боевиков действительно практически невозможно найти. Плюс темнота...

– Очень близко. Сегодня же ночью они будут у вас. Часа через два, не больше... если не меньше.

– Та-а-ак... – недовольно протянул лейтенант. Он, как и полковник знал, что, разбившись на мелкие группы, боевики двигаются значительно быстрее. Это путало его карты. – Уж лучше бы вы не наносили по ним удар.

– Авиация работала сама. Я не мог сказать, что вы в этом районе, – оправдывался Градский. – Сам понимаешь, у боевиков везде есть уши.

По всему выходило, что из загонщиков они через два часа сами превратятся в дичь. «Ладно, не в первый и не в последний раз», – обреченно подумал лейтенант имевший шутовские позывные «Ромео». Но боевую задачу надо выполнить, а это в свете последней информации сильно усложнялось.

– Та-а-ак... Вас понял.

– Твои предложения, лейтенант.

– А чего тут предлагать? Мочим их в сортире, как завещал нам наш верховный главнокомандующий, и уматываем.

– Я понимаю, ты не сентиментален, но как насчет заложников... – напомнил полковник.

– М-да...

Из десятка строителей осталось только четверо. Остальных боевики порешили во время перехода как недостаточно подвижных и выносливых. Лишняя ноша боевикам ни к чему.

– Я имел в виду, что освобождаем заложников и валим всех бородатых, – поправился Камышов. – Но вы должны понимать, что операция не подготовлена. Я не могу ручаться...

– Но это не значит, что нельзя и пытаться.

– Конечно, господин полковник...

Он вдруг с неприятным чувством внутренней пустоты понял, что потерял всякое уважение к человеческой жизни, не

говоря уже о жизни боевиков, и даже ни в чем не повинные заложники стали восприниматься им как помеха.

«Пора в отпуск, – невесело подумал лейтенант. – Вот только кто мне его даст?...»

– Хорошо, действуйте.

– Вас понял. Для эвакуации нужен вертолет не позднее чем через час.

– Э-э... с этим проблема...

– Не понял! – повысил голос Камышов, рискуя выдать себя. Звук в горах разносится далеко. – Что значит «проблема», господин полковник?!

– Все вертушки на задании. Тут еще журналисты приперлись на ночь глядя, права человека, то да се... опять-таки им транспорт нужен... они сейчас улетают обратно, только что сели в вертолет...

– Бардак... Вертолет с огневой поддержкой должен быть через час, иначе я вообще ни за что не отвечаю. Конец связи.

Лейтенант вне себя от злости нажал кнопку отбоя. И раньше возникали мелкие осечки, то кормежку несъедобную привезут на базу, то с боеприпасами напряженка, но все это еще терпимо и достаточно быстро решалось. Но то, что происходило теперь, его выводило из себя. Так получилось, что наемников-контрактников бросали в бой, не слишком заботясь об их дальнейшей судьбе.

Усилием воли он заставил себя успокоиться, ведь нужно еще освободить заложников, приказ никто не отменял. «Это

мне еще повезло с командиром, – усмехнувшись, подумал Камышов. – Другим вообще такие дуrolомы попались. Своих солдат за людей не считают».

Лейтенант еще раз осмотрел местность, на которой им предстояло действовать. В небольшом тупичке стояло несколько цистерн, что находилось внутри них – оставалось загадкой, никаких надписей, кроме полустершихся цифр не имелось. Удивляло, что их еще не сперли на «самовары», для переработки краденой нефти в низкопробный бензин. «А может, их сюда для того и пригнали, чтобы эти самые „самовары“ и сварганить?» – мимолетно подумал лейтенант Камышов.

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения, и было принято к сведению лишь как возможное укрытие. Уничтожать подобные заводики было задачей совсем других подразделений, а в его обязанность входило лишь доложить об их обнаружении командованию.

Метрах в ста от железной дороги гора высилась стеной. Метров в трехстах по другую сторону от дороги находилась небольшая впадина, где под коркой льда тек никогда не замерзающий горный ручей, а дальше снова начинался довольно пологий спуск. И все это покрывал рыхлый свежий снег.

– Старшина... Виктор!

– Извини, слушаю Ромео.

– Возьмешь свою половину бойцов и зайдешь со стороны цистерн. Я пойду напрямую. Чуй, будешь нас прикрывать,

найди место...

– Но Ромео! С такой оптикой...

– Я понимаю, ночника нет, но это все же лучше, чем ничего. Вспомни своих предков-охотников, они вообще без прицелов обходились. Ты же сам говорил, они попадали белке прямо в глаз, чтобы шкуру не испортить. Так что соответствуй.

– Скажете тоже...

– Действуем по стандартной схеме, а там уж как получится...

– Лейтенант, мне одно непонятно, – с сомнением сказал старшина Фрейндлих.

– В чем дело?

– Почему они засели здесь? Практически на открытом пространстве. Без защиты, ну не будем же мы считать защитой эти ветхие домишки... Тут что-то не так.

– Полностью с тобой согласен, но другого пути у нас нет. Либо мы сейчас накроем эту банду, либо они еще всласть попьют нашей кровушки. Все, мы не девочки, пошли.

Старшина со своим десятком солдат стал забирать вправо и вскоре перевалил через железнодорожную насыпь, скрывшись с глаз за щебнем.

Лейтенанту предстояло пройти самую опасную часть пути. Он двигался напрямик. Белоснежные маскхалаты, конечно же, скрывали его на фоне столь же белого снега да еще в темноте, но он также понимал, что и боевики не первый

день воюют и в случае чего смогут отличить настоящий неподвижный сугроб от движущегося.

Но лейтенант надеялся, что ничего плохого не произойдет, а в случае чего Чуй не подведет, и одновременно с хлестким выстрелом снайперской винтовки можно будет отбросить всякий камуфляж.

Но, к счастью, пока никаких выстрелов не звучало, и Роман Камышов продолжал ползти к зданиям, используя любые складки местности, осторожно перебрасывая автомат по земле, следя за тем, чтобы ствол и прицел не забился снегом, и это не помешало бы в самый ответственный момент.

До зданий оставалось метров сто. Лейтенант надеялся, что ветерок донесет до него хоть какие-то звуки или запахи, по которым можно сориентироваться в дальнейшем направлении движения, но вместо этого ветер от цистерн пригнал едкий запах какой-то технической жидкости, не то растворителя, не то еще чего-то. Лейтенант в этом не разбирался.

– Я на месте, – доложил старшина Фрейндлих по рации близкого радиуса действия.

– Видишь что-нибудь?

– Ничего. Будто и нет здесь никого.

«А может, здесь действительно никого нет?» – вдруг подумал Камышов. Но он тут же прогнал эти мысли. Боевики здесь, иначе и быть не могло. Ночью даже они по таким кручам двигаться не рисковали. Опять же с ними заложники.

– Здесь они, здесь, – убеждая себя, проговорил лейте-

нант. – Занимайте позиции. Мне тут немного осталось.

Отделение лейтенанта медленно, но верно добралось до передних зданий, вот только свежий снег предательски скрипел при неосторожном движении там, где намело сугробов чуть больше. Казалось, этот скрип слышно за километр в округе.

Солдаты быстро заняли свои места, уставив стволы автоматов во все стороны, вглядываясь в подозрительные проемы пустых глазниц окон.

Роман оглянулся, позади его отряда оставались темные углубленные дорожки. «Слишком заметно, – критически подумал он, – следы как от беременных черепах, выползших на пляж для кладки яиц».

Но сейчас было не до любования пейзажем, к тому же ничего уже нельзя переиграть, и лейтенант коротко махнул рукой, показывая, что можно начинать осмотр ближайших домов.

Бойцы продвигались вперед со всей возможной осторожностью так, что даже снег не скрипел. Прежде чем быстро заглянуть в окно для проверки наличия заложников или часовых, приходилось подолгу вслушиваться, и если никаких подозрительных звуков не доносилось, лишь после этого осматривать внутренние помещения разграбленных мародерами домиков, состоящих из четырех голых стен и выбитых дверей, с поднятыми полами.

Несколько зданий было проверено и предстояло пройти

довольно большое пространство до следующей группы домов. Лейтенант успел сделать только пару шагов, как началась стрельба и все мгновенно залегли.

Сначала раздался выстрел Чуй. Среди домов кто-то громко вскрикнул, и в следующую секунду началась шквальная пальба. Среди зданий то тут, то там заплясали язычки пламени, это стреляли боевики. Этим они выдали себя, чем не преминул воспользоваться Чуй. И еще пара боевиков надолго вышла из игры.

«Чего-то мы недосмотрели, – с досадой отметил лейтенант Камышов. – Зацепили какую-то ловушку».

Воспользовавшись небольшим затишьем, лейтенант командовал:

– Назад!

И десять бойцов бросились за своим лейтенантом, быстро преодолевая оставшееся пространство до крайних строевых. Остаться там, где они находились, нельзя из-за угрозы окружения. За спиной лучше иметь чистое пространство, где их сможет прикрыть Чуй и они сами смогут видеть врага.

Их, естественно, заметили, и снова начался обстрел. Один из солдат вдруг остановился как вкопанный и в следующую секунду безвольно рухнул в снег.

– Черт...

Теперь уже стало не до заложников. Лейтенант и раньше понимал, что эффект внезапности скорее всего не сработает, и сейчас он в этом убедился.

Боевики наседали, шквальным огнем обдавая три хлипких домика, за которыми спрятались солдаты лейтенанта. В их сторону летели гранаты, но пока без особого успеха.

– Ложись! – дав короткую очередь, крикнул Камышов солдатам, засевшим рядом с ним.

Теперь он понимал, почему боевики предпочли остаться здесь, а не идти дальше. Оказывается, среди этих руин у них склад оружия и боеприпасов. Иначе чем можно объяснить тот факт, что в свете автоматных вспышек в руках одного из боевиков Камышов заметил тяжелый противотанковый гранатомет. С такой тяжестью по горам и десяти километров не сделать.

Раздался взрыв, и хлипкую противоположную стенку как ветром сдуло. Лейтенант впал в легкую протрацию, ничего не слыша и не понимая, хватая воздух ртом, как рыба, выброшенная на сушу.

После взрыва в бой вступило отделение старшины Фрейндлиха, отвлекая на себя часть боевиков.

Солдаты вели скупой перекрестный обстрел улиц селения, имеющего двадцать-тридцать домов, и стало понятно, что операция по освобождению провалилась. Лейтенант уже и сам не понимал, на что он надеялся, когда отдал приказ о штурме. «Это я от безысходности на амбразуру полез», – попытался оправдаться перед самим собой Роман Камышов, в следующую секунду понимая, что это для него не оправдание.

Боевики, в отличие от солдат, у которых даже подствольников не имелось, патронов не жалели и огрызались длинными пулеметными очередями, добавляя из легких одноразовых гранатометов «муха».

Бой продолжался уже более полчаса, а изменений никаких не происходило. Среди солдат появились раненые и контуженые, но им удавалось удерживать позиции и даже занять еще пару зданий взамен разрушенных, чтобы иметь более широкий сектор обстрела.

Несли потери и боевики, в основном от снайперского огня Чуя, поэтому тоже особо не высывались, понимая, что противнику деваться некуда и нужно лишь перегруппироваться, чтобы уничтожить его при поддержке идущего к ним подкрепления.

– Что будем делать, командир? – спросил по рации старшина, понимая, что ситуация после часового боя зашла в тупик. – Они ведь просто выжидают, когда к ним подойдет подкрепление. К тому же у нас боеприпасы к концу подходят.

– Я знаю...

Но очередной взрыв, буквально разнесший дом на щепки, не оставил другого выхода, как отступить. Рядом с цистернами раздался взрыв.

– Виктор, что там у тебя? – с беспокойством спросил Камышов. Тот долго не выходил на связь, и лейтенант боялся, что там все убиты.

– Нормально... в цистернах дрянь какая-то... Симчук

подсказывает, что это антифриз... пил, говорит, раньше, потому и знает... только тут еще какое-то масло намешано. Хорошо, что не вспыхнуло... чудом, иначе бы все поджарились...

– Отходим, старшина. Нам тут делать больше нечего...

– Отходите, я прикрою.

– Давай.

Со стороны железной дороги усилился обстрел, и лейтенант приказал своему отделению отходить обратно в лес. Солдаты подхватили своих раненых и убитых товарищей и, отстреливаясь стали быстро отходить тем же путем, что и пришли.

«Это моя самая бездарная операция», – казнил себя Камышов.

Думая о своем, лейтенант на полпути до спасительных зарослей споткнулся и сразу же ощутил, что барахтается в какой-то луже, но явно не в воде, так как воняла жидкость паршиво. Одежда вмиг намокла и стала тяжелой, словно в нее напихали свинца.

В этот же антифриз, поскользнувшись, повалились и остальные бойцы. Послышался приглушенный мат и проклятья, адресованные всем и вся.

Со стороны насыпи появились тени.

– Не стреляй, это мы!

– Что случилось, старшина?! Почему...

Но на все вопросы ответили новые тени и автоматные

вспышки, от которых несколько солдат упало в мокрый снег. Кто просто поскользнулся, а кого настигли вражеские пули, уже не разобрать.

– Подкрепление к бородатым подошло, – ответил старшина на вопрос лейтенанта. – Прямо к нам в тыл.

– Черт! Быстро они...

– Спринтеры, мать их...

Поредевший взвод лейтенанта сбился в кучу, продолжая отстреливаться от окружавших их со всех сторон боевиков, которые подступали все ближе и ближе. Понимая, что солдатам деваться некуда, боевики предложили сдаться, но таким тоном, что становилось понятно – в живых не оставят.

– Вертолет...

– Что? – не понял Роман Камышов, страдавший контузией, отчего слух его сейчас подводил.

– Кажется – вертолет.

И действительно из-за хребта перевала появилась винтокрылая машина. Солдаты ее не видели, но отчетливо слышали. Кто-то запустил ракетницу, чтобы обозначить себя и показать, что все кто не здесь – враги.

Пилот понял все правильно, и в небе появились яркие точки неуправляемых ракет, которые били точно по железной дороге и засевшим там боевикам.

– Вот черт... – прошептал лейтенант, когда увидел, что произошло.

От взрывов ракет разлившийся антифриз загорелся, и

жаркая волна пошла вниз к солдатам, вымокшим в нем. В довершение ко всему ракета сбила столб линии электропередачи, и заискрившиеся голубыми вспышками оборванные провода, упали в эту горящую массу.

Горящие солдаты валялись в жиже, которая забивалась в рот и нос, выедала глаза. И в довершение ко всему их нещадно било током.

Огонь тоненькой дорожкой подобрался к еще одной пробитой пулями цистерне. Он охватил ее с боков, а затем пробрался внутрь через открытый сверху люк. Пары в один момент воспламенились, и раздался жуткий взрыв, на секунду осветивший ущелье как при ядерной вспышке.

Ударная волна сильно потрянула вертолет, и пилот от неожиданности нечаянно выстрелил ракетой, рефлекторно нажав на кнопку, вмонтированную в штурвал, схватившись за него, чтобы выровнять полет.

Посланник смерти ушел куда-то вверх, и через несколько секунд врезался в гору, породив еще один взрыв. Это стало последней каплей, и со склона горы понеслась снежная лавина.

Она смела все: цистерны, дома и корчившихся от боли солдат. Она увлекла их в свой поток, который с гулким ревом понесся дальше, вбирая в себя все новые снежные массы, уходя вниз, в ущелье.

– Вот черт... – выругался пилот «ночного охотника», наблюдая за всем этим в прибор ночного видения. Лавина по-

лучилась просто гигантских размеров и продолжала разрастаться Рядом завис эвакуационный вертолет, но ему здесь уже нечего было делать.

1

Земля. Некоторое время спустя...

Мужчина ворвался в комнату, широко распахнув дверь, воскликнул с придыханием в голосе и огнем в глазах:

– О, моя любимая!

– Ах, Хулио! Ты здесь?! – вскрикнула женщина и бросилась навстречу мужчине.

– Моя любимая!

– Мой любимый!

Мужчина встал на колени, целуя женщине руки. Та часто задышала, закрыв глаза в предвкушении чего-то сладостного, а ее избранник, поднявшись на ноги, принялся страстно целовать лицо героини. Казалось, еще немного, и женщина упадет без чувств. Губы их медленно сближались, чтобы вскоре соединиться в долгом сладострастном поцелуе.

Но тут экран погас, будто его выключили, а через секунду изображение сменилось заставкой федерального информационного агентства с надписью: «Внимание!»

Смотревшие телевизор молодые люди, сжимавшие до этого друг другу ладони, быстро сели по разные стороны дивана, избегая смотреть друг на друга, будто родители застали их за каким-то постыдным занятием.

– На самом интересном месте... – глухо проворчал парень, глядя куда-то в сторону. – Надо жалобу написать...

чтобы хотя бы давали досмотреть кульминационный момент...

– Может, случилось что-то серьезное, Иглессио, – попыталась сгладить неловкость девушка.

– Как в прошлый раз? – с сарказмом спросил парень, наконец-то повернувшись лицом к своей подруге. – Сбежал домашний кролик, и попросили посмотреть в окно, не пробегает ли он мимо, а если пробегает, то сообщить в полицию. – И более раздраженно добавил: – Клетку нужно запирать лучше.

– Зря ты так... и потом это не местный канал, а федеральное агентство. А что касается кролика, то он мог попасть под автоматическую уборочную машину и сильно пострадать.

– Ты права, Амели... – понуро опустив голову, согласился Иглессио. – Я не заметил...

Амели ободряюще улыбнулась Иглессио и даже пододвинулась чуть ближе к нему. Ей самой было неприятно оттого, что так вышло.

– Внимание! – наконец зазвучал голос из динамиков телевизора. – Внимание! Просим всех собраться у телепередатчиков для ознакомления с важной информацией. Внимание!

– Собрались уже, – снова недовольно проворчал Иглессио. – Давайте уж...

За что поплатился строгим взглядом Амели.

Заставка исчезла, и появился диктор. Выглядел он, мягко говоря, не очень: глаза его были расширены от ужаса, воло-

сы растрепаны, руки тряслись, и он даже не пытался этого скрыть. Все эти недочеты вызвали недоумение у телезрителей, привыкших к опрятно выглядящим телеведущим и не подозревавших, что может быть как-то иначе.

– Да что же такое произошло-то, в самом деле?! – почти в панике произнес Иглессио. – Можно подумать, будто на нас инопланетяне напали...

– Уваж...аемые дамы и господа, – поперхнувшись, произнес диктор. Попив воды из невесть откуда взявшегося стакана и беспомощно посмотрев куда-то в сторону, будто прося чьей-то поддержки, дребезжащим голосом и путаясь в строчках сообщения, перескакивая с одного предложения на другое, начал читать: – Произошла катастрофа... объявлена мобилизация... С системой Лазурит потеряна связь. На нее совершено нападение. Вот посмотрите...

Над плечом диктора возник квадратик репортажа, вскоре занявший все пространство экрана. Бесстрастная камера автоматического зонда запечатлела огромное пожарище. Горел один из городов, и все могли хорошо видеть, как пикировали едва различимые точки самолетов и дымной ниточкой уходили от них ракеты, врезаясь в здания и вызывая тем самым мощные взрывы, порождавших обширные разрушения.

Репортаж длился не больше десяти секунд, цензоры не хотели слишком сильно шокировать телезрителей, да и эпизод они выбрали самый безобидный из всех, которые им прислали из военного ведомства. Но ничего не показать тоже невоз-

можно. Однако этого хватило, чтобы всех, кто видел репортаж, охватила либо паника, либо ступор.

Между тем диктор чуть не плача продолжал:

– Это антигуманное, анти... анти... это чудовищное преступление, как тут сообщается, совершено оуткастами! Это звучит невероятно, но это так. Граждане! Сохраняйте спокойствие! Объявлена тревога высшей категории. Граждане...

Телеведущий не выдержал и заплакал, сморкаясь в листок с правительственным сообщением. Чтобы окончательно не деморализовать население, его отключили и на экранах снова появилась заставка информационного агентства.

Амели не знала, сколько прошло времени, но, когда очнулась, шла все та же восьмьсот шестая серия популярного сериала «Санта-Кроче», только почему-то с самого начала. Она решила, что это был какой-то чудовищный сон, но, увидев дебилское выражение лица Иглессио, который до сих пор не пришел в себя и что-то монотонно бормотал, поняла, все случилось взаправду. Оуткасты совершили нападение.

Способность мыслить вернулась не сразу, но потом возникло великое множество вопросов, на которые у нее не было ответов.

Как? Почему? Зачем? Для чего? Как вообще могло такое произойти, и для чего нужны все эти жертвы и разрушения. И хотя жертв не показали, Амели не сомневалась, что их огромное количество.

Амели попробовала встать с дивана, но ноги не слушались. Возникло ощущение, будто они набиты ватой, а в животе что-то саднило. К горлу подкатывала противная тошнота, как после сотрясения мозга. Она даже пощупала голову руками, все ли в порядке и не являются ли эти жуткие картины следствием ушиба головного мозга при неудачном падении.

Пришел в себя Иглессио. Он непонимающе смотрел на телевизор, по которому показывали тот самый эпизод, на котором произошел обрыв вещания, а после прошла информационная передача, и вот когда поцелуй главных героев состоялся, парня вырвало прямо на пол.

– Ты куда? – спросил Иглессио, утершись.

Амели все же смогла преодолеть слабость, и, хотя ноги противно дрожали, ходить она могла.

– На работу.

– Зачем? Тут такое...

– Объявлена тревога высшей категории, – пояснила Амели.

– И что? – переспросил Иглессио. До него никак не доходило.

– Я медик. Я занимаю пост замдиректора в нашем исследовательском институте. В подобной ситуации я должна находиться на своем рабочем месте, чтобы... чтобы... в общем, я должна быть там.

– А я?

– Ты оставайся здесь. Ты оператор в оранжерее... тебя пока это не касается... пока.

Сочтя, что дальнейшие объяснения ни к чему, Амели быстро собралась и вышла на улицу, направившись к стоянке автомобилей, забыв, что машину можно вызвать дистанционно, просто нажав на кнопку пульта.

Обычно оживленный город встретил ее пугающей пустотой. Все сидели в своих домах, переваривая услышанное. Только изредка двигались машины, да быстро, затравленно оглядываясь, перебежали дорогу прохожие, будто оуткасты уже здесь, на Земле, и им вот-вот выстрелят в спину.

Машина на автопилоте домчала Амели до института за десять минут, вчетверо быстрее, чем обычно. На свои водительские способности она сейчас благоразумно не рассчитывала, хотя любила водить машину лично.

2

В институте было чуть оживленнее, чем в городе, но все равно народу намного меньше, чем обычно, не говоря уже о том, сколько должно находиться человек, когда устраивались учения по высшей категории. Но и эти учения проводились не на случай войны, а на случай техногенной или природной катастрофы.

При проведении учений люди выглядели сосредоточенно, гордясь своей работой и показывая всем, что они полноценные граждане. А сейчас сотрудники, бродившие из кабинета в кабинет, смотрелись жалко. Пустые глаза, недоуменные выражения лиц, опущенные плечи, кто-то даже садился на диванчики в коридорах, чтобы унять дрожь в ногах. Никто не понимал, что нужно делать, у всех просто вылетели из головы вызубренные наизусть параграфы на случай чрезвычайных ситуаций.

Амели сама еле добралась до своего кабинета и тяжело плюхнулась в кресло. Руки опускались. В голове царил настоящий кавардак, и мысли скакали, словно табун лошадей, мешали сконцентрироваться на прямых обязанностях.

На столе затрещал зуммер внутренней связи.

– Слушаю, – проговорила Амели, нажав кнопку соединения. На экране видеодфона появилось лицо директора института Чалино Ришмана.

– Хоть ты здесь, – облегченно сказал директор.

– Здесь, – тупо подтвердила Амели.

– Ты в норме? Способна думать? Как вообще себя чувствуешь?

– Сносно.

– Молодец. Ты всегда была самой крепкой, чего только стоит твоя кандидатская о варварах. Ты ведь в курсе всех наших разработок?

– Конечно.

– Тогда ты мне нужна. Все мои секретари в глубокой прострации и плохо реагируют на внешние раздражители... О чем это я? В общем, мне нужен помощник, а то я, откровенно говоря, сам еще не в себе и не все понимаю, да и кто сейчас в себе? Но, как говорится, одна голова хорошо, а две лучше.

– Мне прийти в ваш кабинет? – переспросила Амели. Директор, вопреки обычному, был словоохотлив, что вполне объяснимо: это его форма психологической самозащиты.

– Да. Сейчас в прямом эфире начнется конференция правительства по выработке ответных действий. Наше мнение может понадобиться.

– Сейчас буду.

Амели успела. На большом экране прямой связи транслировался кабинет правительства, где за длинным столом собрались министры. Многие отсутствовали, в том числе и министр здравоохранения, так что директор оказался прав.

Свое место занял президент Земной Федерации Стив Гуттенберг. Чтобы как-то успокоиться, он начал перекладывать бумажки из одной стопки в другую, руки его дрожали, он явно не знал, с чего начать. Но вскоре он все же собрался и сказал:

– Господа... совершен неслыханный акт насилия, какого не было вот уже полторы тысячи лет... Со времен Третьей мировой, или Тотальной войны. Но мы давным-давно забыли, что такое война, наше общество исключительно гуманно...

Президент замолчал, понимая, что своими общими словами никак не поднимет дух слушающих его людей, скорее наоборот, да и не для этого они здесь собрались, чтобы услышать прописные истины.

– Какие будут предложения. Министр обороны?

– Я... э-э... я, – мямлил министр Глен Пфайффер.

Толстенький человечек весь затрясся, не зная, куда деть руки, которые даже пистолет-то никогда не держали; в конце концов, он на них сел, но мыслей от этого в голове не прибавилось.

Министр обороны любил устраивать пышные парады по поводу победы в Третьей мировой и по другим торжественным датам, но на большее он не годился, да никто и не требовал от него ничего большего. И вот тебе на – настоящая война. Тут парадами и демонстрацией силы не обойтись.

– Сда... сдать... Направить весь флот в систему Лазурит, –

наконец скороговоркой выпалил министр обороны и стал обильно потеть.

В глубине сознания он понимал, что сморозил глупость, но вот в чем эта глупость выражалась? Впрочем, сказанного уже не вернуть.

– Понятно, – выдохнул президент, – какие еще будут предложения? Мы должны отдавать себе отчет в том, что сейчас половина нашей армии просто физически не может держать в руках оружие, а кто из оставшейся половины сможет выстрелить в другого человека, пусть даже и во врага? И что с ними станет, попади они на передовую? Для этого мы слишком цивилизованы. А потому я у всех спрашиваю: какие будут предложения?

3

Зал молчал. Никто не понимал, что можно в данной ситуации предложить.

– Господин президент... – вдруг послышался несмелый голос, и на экране появилось лицо говорившего.

– Да, слушаю вас, – оживился президент Гуттенберг, и остальные тоже воспаряли духом, с надеждой посмотрев на экран. – Какое у вас предложение?

– Я Джос Эклэнд, руководитель института кибернетических проблем...

– Да-да, говорите...

– Мы можем противопоставить им роботов... боевых роботов.

– Они у нас есть? – удивился президент.

– Нет, но мы можем изготовить их в большом количестве в самые сжатые сроки.

– А как насчет закона Азимова? Они станут стрелять в людей? Ведь тем самым они причинят вред живому разумному существу, а это им категорически запрещено.

– Мы исключим данный запрет из программы... Придется разработать новую...

– Хорошо.

Лица министров повеселели, казалось, решение найдено и дело осталось за малым – воплотить его в жизнь.

– Сколько потребуется времени?

– Если загрузить все заводы с учетом времени на разработку и программирование, – стал перечислять кибернетик, – то через шесть месяцев мы вам выдадим двухмиллионную армию...

– Хорошо, – снова повторил президент. – Но сроки нужно сократить до двух месяцев, максимум до трех. Используйте закрытые архивы – опыт прошлых, не столь цивилизованных поколений. А то через шесть месяцев оуткасты будут уже здесь... в этом самом кабинете, а их нужно встретить на дальних подступах.

– Конечно, господин президент, – кивнул Эклэнд. – Мы постараемся.

Послышались аплодисменты и радостные перешептывания министров. Но тут президент нахмурился и стал тереть рукой лоб, будто пытаясь вспомнить что-то очень важное, что он пропустил. Наконец сказал:

– Это все очень хорошо, но нужен дополнительный план.

– Зачем? – удивился министр обороны Пфайффер. Когда решение проблемы практически найдено, а угроза почти миновала, он стал чувствовать себя гораздо увереннее.

– Потому что первый может провалиться.

– Конечно, господин президент...

– Итак, какие еще будут предложения?... Ну же, граждане, смелее!

– У меня есть, – неожиданно для самой себя произнесла

Амели.

– Хм, кто вы? – поинтересовался президент, когда на его настольном экране появилось изображение девушки. Такое же изображение появилось у всех, кто принимал участие в расширенном заседании правительства.

– Амели Стоун, доктор, замдиректора Института исследовательской медицины.

– Что же вы нам можете предложить? – искренне удивился президент. – У вас есть новые лекарства, которые помогут нашим солдатам сражаться, забыв, что они цивилизованные люди?

– Лекарства есть, но они, хоть новые, хоть старые, антигуманны и находятся под запретом.

– Тогда что?

– Понимаете... может, я лезу не в свою область...

– Говорите, доктор Стоун. Это вопрос жизни и смерти, а то, что вы залезете не в свою область, – не беда. Здесь все не в своей области, – договорил президент Гуттенберг, многозначительно посмотрев на министра обороны Пфайффера.

– Спасибо. Понимаете, можно сделать роботов, которые будут убивать, но кто научит их воевать и будут ли они эффективны в реальных условиях. Машина сильнее, быстрее, точнее, но не умнее. Нет ничего сложнее, чем человеческий мозг.

– Что вы хотите сказать? – вспыхнул министр обороны.

– Компьютер логичен, логика – его сущность, а человек,

особенно варвар-оуткаст, действует нелогично. Разве логично начинать войну? Зачем? Ведь все можно решить миром...

– Резонно. Что вы предлагаете?

– Противопоставить им столь же нелогичных варваров. Умеющих убивать.

– Но где мы их возьмем?! Невероятно! Мы все добропорядочные граждане.

– В нашем институте, – ответила Амели.

– Не понял.

– Один из наших филиалов занимается криогеникой...

– Да, я слышал об этом, – кивнул головой президент. – Люди, добровольно заморозившие себя в надежде, что их смогут оживить через тысячи, а то и десятки тысяч лет. Но почему вы решили, будто сможете их разморозить? Ведь, насколько мне известно, еще не получилось ни одного удачного случая разморозки.

– Не совсем так... Во-первых, мы проводили опыты исключительно на животных, которых хозяева замораживали вместе с собой в надежде, что их оживят. Во-вторых, их замораживали обычным методом, то есть посредством простого охлаждения путем опускания в жидкий азот. Но даже в этом случае мы получили обнадеживающий результат.

– Какой же?

– Размороженные животные жили около трех-четырёх суток.

– Очень интересно, а что же с людьми?

– С ними мы таких опытов не проводим, поскольку это признано антигуманным. Размороженные объекты проживут не больше часа из-за обширного внутреннего разрушения мягких тканей, то есть в случае проведения опытов это можно рассматривать как убийство. Наша наука еще пока не может справиться с такой проблемой.

– Хм, но тогда...

– Да, господин президент, я понимаю. Но у нас имеется тридцать два уникальных субъекта, заморозка которых произведена другим способом, а точнее, произошла благодаря ряду случайностей. Их нашли чуть больше ста лет назад, когда в одной из долин сошел последний лед.

– То есть вы хотите сказать, что вы сможете их разморозить?

– Именно так. Сканирование показало, что ткани практически не повреждены. Невероятно, но это так. И есть очень высокий шанс на благополучный исход операции.

– Понятно. Но почему вы решили, будто они смогут нам чем-то помочь? Возможно, это простые альпинисты. Как известно, даже в древние времена имелись люди сугубо мирные. Может быть, это спортсмены, тогда были в моде экстремальные виды спорта.

Президенту казалось, он знал, о чем говорил, ведь он сам по молодости увлекался лыжным спортом.

– Мы тоже так думали, но у некоторых из них при себе имеется оружие и одежда на них, если верить архивам, яв-

ляется военной формой. К тому же у некоторых из них, как показал сканер, есть огнестрельные ранения, а внутри их тел инородные предметы, а именно пули.

Амели замолчала, молчал и президент. В зале повисла напряженная тишина.

– Их слишком мало, чтобы они смогли что-либо сделать, даже если удастся их оживить? – не то спросил, не то констатировал Стив Гуттенберг. – И потом, существует вероятность, что это какие-нибудь экстремисты... я не знаю, кто там с кем воевал и ради каких высших целей. Они могут стать нашими врагами...

– В наших условиях это дополнительный шанс на спасение... – произнесла Амели, уже пожалев, что предложила свой вариант. Ей казалось, его теперь наверняка отвергнут, но все же решила биться за него до последнего: – Мы ничего не теряем. Но проверить можно. Если они наши враги, то им никогда не выйти за пределы института и не стать помощниками наших врагов, врагов цивилизации.

– Вы правы. Даже нужно, – после долгого молчания сказал президент Федерации, взвешивая все «за» и «против». – Проводите разморозку. Если у кого еще появятся какие-нибудь мысли, озвучивайте их, приемная работает круглосуточно. Ваши предложения будут рассмотрены в кратчайшие сроки. Заседание окончено, всем спасибо.

– Спасибо, господин президент, – запоздало поблагодарила доктор Стоун.

4

Огромный подземный бункер больше походил на древние банки, особенно в той его части, где располагались личные ячейки клиентов, где они могли хранить свои драгоценности или важные документы. Только здесь эти ячейки больше в несколько раз и хранились драгоценности несколько иного рода – человеческие тела.

Амели ехала на автокаре, и чувствовала она себя не в своей тарелке, ведь кругом одни мертвецы. Она не могла поверить, что подавляющее большинство здесь лежащих согласились заморозить себя добровольно. Особенно она не могла понять тех, кто ради этого фактически покончил с собой, когда по каким-то причинам человека усыпляли, а потом замораживали – считалось, что в этом случае больше шансов на воскрешение.

– Это идиотизм какой-то, – не выдержал водитель автокара.

Его угнетала царящая тишина, и даже яркий свет не разрушал тягостность ощущений. Своим голосом он просто хотел приободрить себя, а заодно и свою пассажирку.

– Ругательное выражение, – пророкотал автоматический голос бортового компьютера автопогрузчика, и из приборной панели вылез кусочек бумажки с предупреждением и цифрами. – С вас взят штраф, возьмите чек. Постарайтесь

больше не использовать ненормативную лексику. Спасибо.

Водитель аккуратно оторвал бумажку и положил ее в карман. У него даже и мысли не возникло возразить и «покачать» права.

– Спасибо... не буду.

– Что именно? – спросила Амели.

– Зачем им это было нужно?

– Они хотели увидеть мир через тысячи лет.

– Но зачем? – не унимался водитель. – Ну, увидят они его, и что дальше? Жить вечно невозможно, несмотря на все восстановительные процедуры. А в их случае даже это не поможет, если их вообще возможно оживить.

– Мы пытаемся делать все возможное, чтобы осуществить их мечту. А вот зачем они это делали, кто знает? Это было темное время. Может, им не нравился свой мир, может, из простого любопытства или надежды на вечную жизнь. Возможно, они думали, что к этому времени технологии смогут осуществить подобное. В конце концов они ничего не теряли, отдавая свои тела на заморозку... – ответила Амели и, не удержавшись, обернулась.

– Мне тоже иногда кажется, будто за мной кто-то крадется, – сказал водитель, правильно угадав состояние пассажирки. – Иногда даже кажется, что тут целыми толпами бродят привидения.

– Это глупость.

Доктор Стоун поежилась.

– Я знаю, мэ.м... но нет-нет, а кожа так и покроеется мурашками и волосы на затылке дыбом встают.

– Это от холода.

– Возможно, мэ.м...

Автокар проехал по галерее пять километров, и дальше пошли нестандартные ячейки. Здесь находились замороженные животные. По большей части кошки и собаки, с которыми хозяева не пожелали расстаться даже после смерти, желая вместе с ними посмотреть на будущее. Помимо общепринятых домашних любимцев имелись и экзотические вроде различных грызунов, а также рептилии вплоть до крокодилов, даже лошади. Этим и объяснялись различные размеры ячеек, от совсем маленьких до просто огромных.

Половина данных ячеек уже пустовали, поскольку практиковаться по разморозке решили на животных, а не на людях. «Вот уже который раз животные прокладывают дорогу людям», – подумала Амели.

Вскоре показался тупик.

– Вот они, ваши подопечные, мэ.м, – неопределенно кивнул водитель головой в сторону.

– Хорошо.

Амели слезла с пассажирского сиденья. И хотя она помнила все коды наизусть, следовало лично убедиться, что это те самые ячейки. Порядок есть порядок, а в его неукоснительном выполнении залог успешной работы.

Доктор набрала код, одна из стальных дверей с шипением

отошла в сторону, и на пол, словно водопад, туманом стал оседать холодный воздух. Спустя еще какое-то время наружу, на специальном столе, выехал практически прозрачный кусок льда.

– Видно, смерть их была ужасна, – прокомментировал водитель автокара и поежился. Такой смерти себе он не хотел.

– Это точно... – согласилась Амели, еще раз взглянув на человека, закованного в лед.

Лица не видно, всю голову скрывала вязаная шапочка с прорезью для глаз, которых также не видно, и, как показывал сканер – их просто не существовало в целостном виде, но застывшие руки и согнутое дугой тело говорили сами за себя.

– Я слышал ваше выступление, мэм... ваш разговор с президентом. Вы очень смелая...

– Спасибо.

– Вы думаете, они смогут нам помочь, мэм? Если их, конечно, удастся разморозить...

– Будем надеяться на это.

Доктор Стоун поочередно проверила все тридцать две ячейки и, убедившись, что это те самые и ничего не перепутано, запрограммировала компьютер доставить их в лабораторию.

Имелись, правда, и другие сохранившиеся так же хорошо, как эти, солдаты, технология с течением времени менялась, но те, другие, не годились. Они, как и их предшественники, по большей части старые люди, а значит, мало чем могли по-

мочь реально. Амели думала разморозить их, если ничего не получится с первой партией.

– Поехали отсюда, – поспешно сказала Амели; ей здесь стало по-настоящему страшно.

– Давно пора... – с готовностью ответил водитель, резко трогая автокар с места. Вид четверти сотни трупов, застывших в предсмертных судорогах, сильно действовал на него. Но, несмотря на это, он смог вести автокар сам, не переключаясь на автопилот, чем втайне гордился. Хотя отдавал себе отчет, если бы не женщина рядом, он бы уступил право руля автоматике.

Тем временем заработала транспортная система подземелья, и в соответствии с приказом доктора компьютер со всей возможной осторожностью доставил затребованные материалы в лабораторию, где начались подготовительные процедуры.

Сотрудники лаборатории с помощью кранов поместили «кубики льда» на специальные платформы.

– Начать лазерную обрезку, – приказал старший группы.

Десятки лазерных лучей уперлись в лед и начали быстро отсекал лишние куски льда, постепенно углубляясь. Вскоре ювелирная работа была закончена и на платформах остались лишь скрюченные тела в окружении тающих кусочков льда.

– Думаете провести размораживание сразу всех? – спросил директор института Чалино Ришман. – Вам не кажется,

что это несколько опрометчивое решение?

– Не думаю, – не согласилась Амели, наблюдая за действиями сотрудников лаборатории вместе с директором со смотровой площадки. Те работали в привычном режиме, сказывались наработанные навыки по разморозке животных, а профессионализм в данном случае дорого стоил.

– И все же, не лучше ли провести подобную операцию сначала на ком-нибудь одном?

– Нет, господин директор. Восстановительный период, а точнее возвращение к жизни, займет примерно месяц, еще месяц на физическое совершенствование, надо будет заново научить их ходить, работать руками. И как бы в этом случае ни закончился первый опыт, удачно или нет, времени на остальных уже просто не хватит. Оуткасты окажутся здесь, сэр.

– Но роботы...

– Признаться, господин директор, мне никогда не нравились роботы. К тому же это только роботы, и они не смогут...

– Мне известна ваша точка зрения.

– Не беспокойтесь, мистер Ришман, технология отработана, и я уверена в благополучном исходе.

– Что ж, желаю вам удачи.

– Спасибо, господин директор, сегодня она нам не помешает.

Тем временем, освобожденные ото льда тела прогревали тепловыми микроволновыми пушками так, чтобы вместе с

поверхностным слоем тела прогревались и внутренние органы.

Когда нужная температура была достигнута, тела раздели и к некоторым из них подошли бригады хирургов, и те быстро извлекли из внутренностей инородные предметы. После чего размороженных людей обступили следующие бригады врачей и начали подсоединять к ним множество трубочек, идущих откуда-то сверху.

– Начать введение нанонития, – приказал главный врач, и по трубкам потекла красноватая жидкость с металлическим отливом, как у ртути.

Прошло несколько десятков минут. Датчики показали, что введенный раствор распространился по всему организму и начал свое действие.

– Начать электростимуляцию...

– Так быстро?! – опешил директор Ришман. – Мне казалось, что проходит несколько дней, прежде чем приступают к основным процедурам.

– Вы правы, сэр, но не в этом случае. Они удивительно хорошо сохранились... удивительное и счастливое для них стечение обстоятельств! Хотя для них тогда эти обстоятельства наверняка были очень даже несчастливими... Так что сроки можно кардинально сократить без потери качества.

Операция длилась еще очень долго. Через каждые пять часов бригады медиков сменялись на отдых. Новые врачи продолжали работу по переливанию крови, восстановлению

или замене поврежденных тканей или органов.

В кульминационный момент пришли реаниматологи и начали электрошокерами возвращать к жизни пациентов, прошедших во льду черт знает сколько времени. Мышцы тел под действием электрического тока сокращались, отчего тела выгибались дугой, рвались из стороны в сторону, но крепкие ремни удерживали их на столах.

Амели напряженно вглядывалась в большой экран, подвешенный прямо под потолком лаборатории. Обычно на нем показывали в укрупненном виде все действия врачей, демонстрируя этапы их работы. Но сейчас его занимали тридцать два горизонтальных прямоугольника, в середине которых имелись тонкие черточки – показатель самой важной жизненной функции любого организма.

«Ну же! Ну! – кричала про себя Амели, наблюдая, как внизу на хирургических столах бьются в агонии тела. – Давайте же!»

Ей начало казаться, что она действительно поспешила с оживлением и нужно было дать нанонитию поработать подольше.

– Ну же!!! – громко прокричала Амели, чем сильно испугала директора Ришмана.

«Пик», – несмело пискнул компьютер, и через секунду, показавшейся Амели вечностью, одна из красных линий в сером прямоугольнике стала ломаной...

Боль и темнота – это все, что помнил Роман Камышов. Болело, казалось, все, что только могло болеть, чувство неимоверного жжения разливалось по всему телу. Иногда наступало легкое облегчение, но ненадолго, и все начиналось снова. При этом Роман не мог пошевелить не то что конечностью, пальцы и те не подчинялись. Это ужасало.

«Если только меня не парализовало... – вяло подумал Роман. А еще через пару минут он опроверг свое первоначальное предположение: – Но тогда у меня ничего бы не болело, а раз болит, значит, я не паралитик...»

Впрочем, ему сейчас было все равно, и то, что он не парализован, не слишком обрадовало его, но и не огорчило.

Ему казалось странным, что он начал просто думать, и даже это давалось с огромным трудом. Мысли буквально волочились, будто к каждой из них подцепили по железнодорожному вагону, груженному углем.

Потом начались кошмары, обрывочные и оттого очень страшные. Кошмары превратились в один затянувшийся фильм ужасов с редкими перерывами на беспомысленность. Казалось, это длится уже целую вечность и будет длиться бесконечно. Последнее обстоятельство пугало больше всего. Хотелось банального беспомысленства.

Но время шло. Боль понемногу утихала, начались мышеч-

ные судороги, тело вспоминало свою физическую форму, но вот сознательно пошевелиться еще не представлялось возможным и, наверное, к счастью, поскольку глаза болели так сильно, что их хотелось вырвать из глазниц собственными руками.

Иногда он чувствовал прикосновения, поначалу осторожные, а потом все более грубые, перебиравшие каждую мышцу по отдельности. Больше интуитивно, чем осознанно, Роман догадался, что ему делают массаж, после которого все тело горело, словно натертое красным перцем. Но как же хорошо, когда жар спадал. Чувствовалась необыкновенная легкость во всем теле и даже в мыслях, так что ради этого можно и потерпеть пару часов мучительного массажа.

Вторым после осязания вернулся слух. Голоса звучали приглушенно. То ли люди говорили тихим шепотом, то ли просто слух еще не окреп, и все слышалось словно через вату. Но тревожило его то, что он не понимал, о чем говорят, даже когда мог расслышать отдельные слова.

«Но это и не бородатые», – подумал Роман, вспомнив резкую, гортанную речь боевиков. Впрочем, прошло немало времени, прежде чем он вспомнил, кто вообще такие эти «бородатые».

Проходило время, а он все продолжал «оживать». Вернулось обоняние, но запахи он чувствовал не такие, какие ожидал почувствовать. Роман много раз бывал в больницах, и уж тем более в армейских госпиталях, и там не пахло, а просто

воняло дезинфекцией, этой специфической смесью хлорки и медицинских препаратов.

Однажды, очнувшись, он обнаружил, что может шевелиться. Сначала пальцами, а потом руками и ногами, но не сильно, что-то сковывало его движения. Только спустя какое-то время он понял, что виной тому не его общая слабость, а то, что он привязан ремнями к койке.

«Так где же я в конце концов? – вяло подумал Роман Камышов с начавшей проступать не то чтобы паникой, но беспокойством. – В госпитале или тюрьме? Или в тюремном госпитале? Тогда у кого?... Бородатые не стали бы со мной так долго возиться... да и свои тоже. Положили бы рядом со всеми, а тут я в одиночной палате или все же камере?»

Вопросов возникло много, а вот с ответами на них были большие проблемы. Катастрофически не хватало информации, где он и что, собственно говоря, с ним случилось.

Боль постепенно стихала, а однажды, почувствовав, что привычной повязки на голове уже нет, он открыл глаза. А точнее сделал попытку их открыть. Яркий свет заставил веки инстинктивно сомкнуться вновь. Роман продолжал попытки открыть глаза, и вскоре ему это удалось. Глаза наконец-то смогли воспринимать свет, который оказался не таким уж ярким, можно даже сказать это был полумрак.

Он осмотрелся. Обычная комната с большим окном в стене, в котором было видно только ночное небо, открытые жалюзи позволяли смотреть наружу.

«Что-то не так... – озабоченно подумал Роман, глядя в окно. – Но что именно?»

Роман вспоминал, но это давалось ему с трудом. Наконец он понял, что не так как надо – звезды, а точнее искусственные спутники Земли.

В юности Камышов любил смотреть на ночное небо и наблюдать за яркими точками спутников, пронесившихся с запада на восток за какую-то минуту. Были и такие, которые двигались очень медленно, но все с запада на восток, или, в крайнем случае, с северо-запада на юго-восток. Были еще и такие, которые летали с юга на север.

А эти двигались хаотично, будто светлячки в погоне друг за дружкой, во всех направлениях. И что главное – их много, многие десятки, если не сотни. Тогда как «правильных» спутников засечь одновременно можно не больше трех-четырёх и то если повезет.

«Что же это, черт возьми, значит?!» – мысленно воскликнул Роман.

6

Очнулся Камышов от ощущения того, что рядом с ним кто-то стоит. Но, открыв глаза, смог разглядеть только два светлых силуэта на темном фоне. Все виделось как сквозь пелену.

Роман слышал их голоса, но по-прежнему не понимал ни слова. Это начинало его раздражать, вкупе с ограничением свободы.

– Он уже практически в норме... это невероятно! – произнес пораженный положительными результатами, директор Ришман. – Все ткани прижились просто отлично.

– Исследования над животными не прошли зря, – подтвердила Амели.

– Кстати... как мы будем с ними общаться? Они ведь наверняка говорят на неизвестном нам языке.

– Я об этом подумала, сэр.

С этими словами Амели достала из кармана небольшой приборчик и повесила его на грудь, пояснив:

– Труд десятков поколений ученых. Автоматический переводчик. Лингвисты из бреда нашего подопечного выяснили его язык, загрузили словарный запас из архива базы данных и теперь все должно работать как надо.

– Молодец.

– Спасибо, господин директор.

– Осталось только выяснить, действительно ли он работает?

Пока шел это разговор, зрение у Камышова улучшилось, и он смог разглядеть женщину и мужчину, которых узнал по голосам. Они часто переговаривались над ним.

– Кто вы? – спросил Роман и в недоумении замолчал, не узнав собственного голоса. Он был абсолютно чужим.

Повисла короткая пауза, и в следующий миг приборчик перевел фразу. Это сильно удивило Камышова, о таком он читал только в научно-популярных журналах, которые однажды нашел в одном из проверяемых домов во время зачистки и взял почитать на досуге. Впрочем, солдаты нашли им более утилитарное применение – бумаги никогда не хватало.

А то, что это именно автопереводчик, а не диктофон или еще что-то в этом роде, он убедился, когда с такой же заминкой пришел ответ женщины:

– Врачи. Это директор Чалино Ришман, а я доктор Амели Стоун...

– Ясен пень, что врачи, – уже раздраженно сказал Камышов. – Я спрашиваю, кто вы такие?

– Мы не понимаем вас... – беспомощно развел руками директор. – Если можете, конкретизируйте свой вопрос. Видимо, базы данных нашего прибора не хватает...

– Черт... Как же им?... Кто вы такие? Кто вы по национальности? На кого работаете? «Красный крест»? Или вы торговцы органами?! Куда я вообще попал?!

– Пожалуйста, успокойтесь, вам вредно нервничать. Мы постараемся ответить на все ваши вопросы, но чуть позже.

– Ладно. Отстегните меня от кровати, если, конечно, я не ваш пленник.

– Вы не наш пленник.

– А чей?

– Вы вообще не пленник.

– Хорошо, тогда отстегивайте.

Амели приблизилась, чтобы выполнить просьбу пациента, тем более, что именно для этого они сюда и пришли. Но ее остановил директор:

– Может, не стоит, посмотрите в каком он эмоциональном возбуждении. Как бы не сделал чего такого, чего делать не следует...

– Вы ведь не сделаете ничего такого? – обратилась Амели к Камышову.

Роман молча перевел взгляд с Ришмана на доктора и отрицательно мотнул головой.

– Не сделаю... для этого я слишком слаб. За свою жизнь можете не беспокоиться... впрочем, как и за свою честь.

Камышов хмыкнул, увидев, как покраснела докторша и нахмурился директор. Но трепыхаться действительно не имело смысла, и не только потому, что он действительно слаб, но и оттого, что все выглядело совершенно непонятным, а преждевременными действиями можно только навредить не только себе, но и его людям, если, конечно, хоть кто-

нибудь выжил, кроме него самого.

– Поверим вам на слово... – сказала Амели и отстегнула первый ремень. После чего трансформировала кушетку в некоторое подобие кресла. – Только не снимайте датчики и не вытаскивайте иглу из руки, там лекарство...

– Очень кстати, так гораздо удобнее, а то я вряд ли смогу удержаться на ногах, – сказал Роман. – Это все очень странно, такая слабость во всем теле, будто я пролежал без движения целую вечность, а такого быть не должно.

Директор с доктором переглянулись, что не укрылось от Камышова, который стал быстро терять силы и начал широко зевать. Долгий разговор сильно утомил его.

– Вам лучше отдохнуть.

– Тут вы сто раз правы...

Прежние посетители пришли на следующий день. Перед этим медсестра сняла с него почти все датчики и вынула иглу, сказав, что вечером придется ее вернуть на место. Камышов не особенно и возражал.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, Амели.

– Доктор Стоун, – тут же поправил Камышова директор Ришман, возмущенный таким откровенным панибратством.

– Пусть так... – согласился Роман.

– Вы, кажется, хотели получить ответы на свои вопросы? – напомнила доктор, проверив все показания медицинских приборов. – Мы можем дать вам ответы на некоторые из них.

– Отлично. Первый: где я?

– В Орланде.

– Хм-м... – Роман пытался вспомнить, где это, и, наконец, сдавшись, переспросил: – Где это? Что-то говорит мне, якобы это довольно далеко от моей родины, да и язык ваш мне не знаком. Еще эти хреновины...

Роман показал на автопереводчики.

– Насколько нам удалось разобраться, Орланд находится на территории, которую вы называли Австралией.

Роман недоверчиво уставился на посетителей.

– Это что, шутка, да?

– Нет...

– Охренеть, я в самой что ни на есть Австралии! И что же я тут делаю... Называли? – опомнился Камышов. – Я не ослышался?

– Нет.

– А как же Австралию называют сейчас? – осторожно спросил Роман, еще сильнее подозревая, что его разыгрывают, а, по его мнению, это не очень кстати при его состоянии.

– Округ Келлендж, – просветил Камышова директор Ришман.

– Стоп, тут что-то не так. Из целого государства, расположенного на целом материке, получился какой-то долбаный округ?! Это шутка, да?!

– Нет, дело в том, что... – попыталась объяснить Амели.

– А как же вы сейчас называете Россию?!

– На месте этого государства сейчас расположены три округа. Немал...

– Не важно, как они называются, – слабо махнул рукой Роман.

Камышов замолчал, приходя в себя. Последняя информация буквально опустошила его, он ощутил даже физическую слабость, словно каждая клетка в его организме налилась свинцом. Такого он не мог себе представить даже в самом страшном сне.

– А теперь самый главный вопрос: сколько я спа... был

мер... – никак не мог подобрать нужное слово Роман, – отсутствовал, одним словом?

Камышов не дождался ответа и, перебив директора Ришмана, попытался ответить сам:

– Наверное, я впал в кому и провел в ней несколько десятилетий. Мне, наверное, сейчас лет семьдесят, восемьдесят, это объясняет слабость, атрофию мышц и все такое... Я прав? За несколько десятилетий многое могло случиться... государства распались, объединялись, превращаясь в округа. Ведь так? – с надеждой спрашивал Роман Камышов.

– Две тысячи лет, – после некоторого молчания сказал директор Ришман. – Вы отсутствовали две тысячи лет.

– Мать твою, туды-растуды... не может быть... этого просто не может быть!!!

– Может, не нужно было так сразу? – осуждающе спросила Амели, когда они вышли из палаты. Их пациент отключился после последней фразы, заставив ученых испытать легкий шок, автопереводчик перевел все, ничего не утаивая и не смягчая. – Как-нибудь помягче бы.

– Извини. Пожалуй, действительно не очень хорошо получилось. В следующий раз буду более осмотрительным.

– Ладно. Сказанного не вернуть. Да и как тут помягче было выразиться?... – согласилась Амели.

Прошло еще несколько дней. Питающие растворы кололи реже, стали давать жидкую пищу, как нормальному челове-

ку.

Приходившие доктора между сеансами терапии и прочих медицинских процедур, подбирая слова, чтобы не травмировать еще ослабленную психику пациента, рассказывали все, что он пропустил за время вынужденного отсутствия или пребывания в царстве мертвых.

– Все это очень познавательно и интересно, но этим курсом в историю вы совершенно выбили меня из колеи.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Амели.

– А то, что во время лавины я был не один. И я хотел бы узнать судьбу своих людей. Они погибли? – спросил Камышов и тут же сам ответил на свой вопрос: – Хотя о чем это я, конечно, погибли, как и я... Я хотел бы узнать: вы и моих людей разморозили, как и меня?

– Ваши спутники были вашей собственностью? – удивленно спросил директор Ришман.

– Почему? – пришла очередь удивляться Роману.

– Ну, вы сказали «мои люди».

– Это выражение такое. В данном случае обозначает, что они были моими подчиненными, а я соответственно – их командиром и несу... нес за них ответственность. И то, что я не поинтересовался их судьбой раньше, можно расценивать как пренебрежение служебными обязанностями.

– В вашем случае, я думаю, это простительно, ведь на вас столько всего свалилось, – посочувствовала доктор Стоун. Но под нахмурившимся взглядом Камышова неуверенно до-

бавила: – Как бы вам объяснить так, чтобы...

– Скажите, как есть. Я переживу. Не впервой. С ними ничего не получилось?

– Хорошо. Мы и остальных найденных с вами людей попытались оживить, но не все операции прошли удачно... Но большинство удалось благополучно вернуть к жизни.

– Скольких вам удалось оживить, учитывая, что они не останутся растениями?

– Вы имеете в виду – недееспособными? – сориентировалась доктор Стоун.

– Именно.

– Оживленных – двадцать два вместе с вами, двое до сих пор в коме, и надежд на благополучный исход очень мало. Еще восемь неудачно.

– Что-то я не понимаю, моих людей вместе со мной всего двадцать пять человек. Откуда еще семеро взялось?

– Вы были все вместе...

– Бородатые, наверное, – догадался Роман.

– Что, простите? – переспросил директор.

– Ничего. Мне необходимо увидеть своих людей.

Камышову вдруг стало нехорошо. А вдруг удачно прошли операции именно у боевиков, и тогда в лучшем случае с ним останется только половина из его взвода. Он, конечно, понимал, что потери неизбежны, но будет обидно, если среди оживленных окажется много боевиков, а не его солдат.

– Ну, чего вы ждете?! Везите меня по их палатам! Давайте

же!

– Это трудновыполнимо... они сейчас на интенсивных процедурах. Вы должны понять, вы очнулись раньше остальных, а потому находитесь в лучшей физической форме.

– Понятно. Когда я смогу их увидеть?

– Я думаю, завтра, – сказала доктор Стоун. – Надеюсь, ваша встреча ускорит выздоровление многих из вас.

Доктора ушли, а Камышов остался сидеть в палате. Уже потом он сообразил, что мог бы попросить принести ему фотографии всех тех, кого они смогли оживить, ведь это не составит большого труда. Он мог бы попросить об этом и сейчас, нажав на кнопку вызова, но решил все-таки подождать личной встречи.

А чтобы ждать было не так невыносимо мучительно, он стал делать физические упражнения, на какие только имелись силы. Пару раз присесть и столько же отжаться от стены было уже большим прогрессом, несмотря на то, что руки и ноги после подобной тренировки тряслись, как после пятидесятикилометрового марш-броска.

8

На директора Ришмана и на доктора Стоуна давили сверху, намекая, дескать, прошло уже довольно много времени и размороженные должны по мере своих сил помогать в деле борьбы с агрессорами.

Опытные партии военных роботов прямо с конвейеров отправлялись в объятую войной систему, а точнее – в настоящее побоище, поскольку там практически никто не сопротивлялся. Как они себя поведут в реальном бою, никто не знал, а потому нужно использовать все возможности, и размороженные относились к таковым.

Потому Амели и согласилась устроить встречу своих пациентов друг с другом, действительно считая, что общение друзей поможет им быстрее прийти в нормальное состояние.

Специально для этого приехала правительственная комиссия во главе с министром обороны Пфайффером, ему предстояло решить, стоит ли оживленных привлекать к работе и смогут ли они вообще что-либо сделать, а главное – станут ли они что-то делать. Ведь многие считали, будто кроважденные варвары из темных веков, погибшие с оружием в руках, могли запросто, при первой же возможности, переметнуться почти к таким же нецивилизованным оуткастам и стать их пособниками.

Все это следовало просчитать прибывшей в институт ко-

миссии.

– Где же ваши подопечные? – поинтересовался министр обороны Глен Пфайффер.

Комиссия находилась в отдельной комнате, чуть сверху, за светонепроницаемым окном. Решено было понаблюдать за подопечными так, чтобы они не знали, что на них смотрят.

– Уже везут, господин министр, – ответил директор Ришман, кивнув доктору Стоун.

– Замечательно, посмотрим, на что они способны. Варварры...

Роман привычно сел в кресло-каталку, думая, будто его опять везут на мало приятные процедуры, хотя он уже мог передвигаться самостоятельно. Но на этот раз привычный маршрут оказался другим.

– Куда меня везут? – удивленно спросил Роман, но, не увидев на шее медбрата черного автопереводчика, замолчал.

В следующую секунду он решил, что его везут на встречу с бойцами, хотя ожидалось, что это произойдет только вечером, но, видимо, планы изменились, чему Роман только порадовался.

На одном из перекрестков в коридоре появилось второе кресло-каталка еще с одним пациентом.

– Чуй? – тихо позвал ефрейтора Камышов, боясь обознаться. Но тот расслышал и повернулся на голос. – Чуй, мать твою, это ты!

– Так точно, лейтенант.

– Хреново выглядишь!

– Зато вы неплохо.

Каталки поравнялись, и соратники крепко, насколько вообще могли, пожали друг другу руки.

– Что происходит, командир? Такое впечатление, будто я не дома. Уж больно все здесь чужое и необычное, даже слишком. Словно я не в военном госпитале с облупившейся штукатуркой и протекшими потолками, а в больничке для богатеев. Но мне как-то трудно поверить в щедрость нашего родного министерства. И эти козлы молчат, как рыбы. В морду бы им дать... – мечтательно добавил Чуй.

– Тебе ничего не рассказали? – удивился лейтенант Камышов.

– О чем я и говорю, молчат, как рыбы. Между собой о чем-то шепчутся, только я ни слова не понимаю.

– Я потом все объясню. Ты мне лучше скажи, почему ты оказался рядом с нами, и тебя лавиной задело?

– И не только лавиной... я чуть не поджарился до золотистой корочки.

– Вот и я про что... Так почему?

– Вертолет прилетел, и надобность во мне как в снайпере отпала. Потом я же видел, что есть раненные, хотел помочь их оттащить. Тут-то все и началось. Плюхнулся в какую-то дрянь... потом вспыхнул огонь, и ток прошел через все тело. Казалось, во мне сейчас все взорвется. Потом закружило,

начало бросать из стороны в сторону и темнота.

– Я рад, что ты жив.

– А уж как я-то рад. Кому расскажешь о таком – не пове-
рят.

– М-да... было бы кому рассказывать.

– Ты о чем?

Но ответить Камышов не успел. Прямо перед ними от-
крылись двери, и кресла-каталки одно за другим въехали
в просторное помещение с подозрительными зеркалами во
всю стену. Сразу же вспоминались всякие дебильные реал-
лити-шоу под общим неформальным названием «Замочная
скважина».

Встреча проходила бурно. Люди жали друг другу руки,
трясли за плечи, обнимались, крепко хлопали друг друга по
спине. И жутко матерились.

– Что они делают?! – в изумлении спросил министр обо-
роны. Каждое выражение автопереводчик переводил дослов-
но, а приборчики лингвистической цензуры захлебывались
в писке, выписывая штрафные квитанции.

– По всей видимости, это выражение дружеского привет-
ствия, сэр... – находясь в таком же шоке, ответила Амели.

– Но почему они ругаются?!

– Я не знаю... сэр.

Вдруг гомон оборвался, и наступила абсолютная тишина.
Привезли еще троих пациентов, но на них почему-то радость

встречи не распространялась.

– В чем дело? – снова спросил министр Пфайффер, чувствуя, здесь что-то не так. – Что происходит?

– Я не понимаю...

Тройка новичков сбилась в кучку, зашептавшись о чем-то между собой и косо поглядывая на более многочисленную вторую группу. Язык для автопереводчика оказался незнакомым, и потому он молчал.

– Сука! – вдруг сказал один из тех, кто так недавно бурно проявлял радость, сжимая своих товарищей в могучих объятьях.

Напряжение в наблюдательной ложе росло, все чувствовали, сейчас произойдет что-то непоправимое. И действительно, тот, кто сказал бранное слово, вдруг резко встал с кресла-каталки и бросился к новичкам.

– Не надо, Осип, стой! Отставить! – закричал лейтенант Камышов, но было уже поздно.

Солдат преодолел расстояние, отделявшее его от столь ненавистного ему противника, и со всей силы ударил в лицо одного из боевиков. Кулак пришелся точно в нос. Но противник даже не успел закричать. Солдат в один момент оказался у него за спиной, схватил боевика за волосы и профессиональным движением переломал шейные позвонки, чуть приподняв и резко крутанув голову.

Остальные двое попытались откатиться обратно к двери, но получалось у них плохо.

– Так-то лучше, – сказал рядовой Осип Долгин и похлопал труп по спине, отчего тот наклонился и с мокрым шлепком упал на пол.

– Ну всё, гниды, я сейчас и с вами разберусь, – добавил Долгин, направляясь к оставшимся двоим.

– А я ему помогу, – тяжело вставая, поддержал своего товарища еще один солдат.

– Отставить! – снова прокричал лейтенант. – Хватит!!!

– Хорошо лейтенант, не будем, – согласился Долгин и отступил на шаг. – Живите, падлы...

Несколько секунд члены комиссии стояли неподвижно, тупо глядя в окно, за стеклом которого только что разыгралась такая ужасающая сцена. После чего всех, почти одновременно, согнуло пополам в приступе неконтролируемой рвоты. А некоторые, в том числе и сам министр обороны, просто упали в обморок. Один генерал даже бился в эпилептическом припадке, брызгая слюной.

После лошадиных доз успокоительного все пришли в себя и стали решать, как им поступить с пациентами.

– Их нужно немедленно изолировать! – кричал министр Пфайффер. – Это дикие звери, варвары, которым место в клетке!

И многие слабыми кивками показали свое согласие с таким вариантом решения проблемы. Да что уж многие – все были согласны. Слишком неконтролируемыми оказались размороженные субъекты.

– Посмотрите на них! – продолжал кричать министр обороны. – Они едва очухались, только-только начали шевелиться и сразу же принялись убивать! Я требую, чтобы их до конца жизни изолировали от общества! Навсегда!!!

Зал одобрительно загудел, за исключением директора Ришмана и доктора Стоун, которая после речи Пфайффера, взявшего небольшой тайм-аут, встала на защиту своих под-

опечных:

– Но, господин министр, президент приказал использовать все возможности...

– Но это же варвары! Маньяки!

– Но, сэр, ведь именно по этой причине мы их и оживили, за их знания и навыки.

– Да, конечно... – вынужден был признать ее доводы Глен Пфайффер.

– Давайте хотя бы узнаем, почему они так поступили, сэр. Может быть, все окажется не таким уж и ужасным. Конечно, смертоубийство – это преступление, но стоит учесть, что они все еще живут по своим законам и не знают наших, они думают, будто находятся в своем времени.

– Да, конечно, это можно признать смягчающим обстоятельством, – сказал министр. – Давайте узнаем мотивы их поведения...

Поредевший взвод до сих пор находился в той комнате, куда их привезли для встречи друг с другом. Двоих боевиков милостиво отпустили, и те ушли, забрав тело убитого с собой.

Медбратья, которые привезли их на креслах-каталках, опасались заходить внутрь, несмотря на все заверения пациентов о том, что они их не тронут. Впрочем, странные пациенты не особенно и опечалились. Побеседовать им было о чем. В основном говорил лейтенант Камышов, перерассказывая остальным то, что узнал от доктора Стоун и директора Ришмана, – историю прошедших тысячелетий. Впрочем, он основательно ее подсократил, отбросив, по его мнению, пустую информацию.

Солдаты слушали молча, не перебивая, с хмурыми лицами. Роман не был уверен, понимают ли они его и слышат ли вообще, но рассказ продолжал. Он знал, его людям трудно принять то, что они пролежали во льдах две тысячи лет и уже нет никого из тех, кого они знали и любили. Нет ничего привычного, кроме тех двух бородачей, которых он им помешал убить.

– Как же им удалось нас оживить? – спросил сержант Галс. – Это же фантастика чистой воды! Я такое только в третьесортных комедийных фильмах видел. Но реальность...

– Видимо, не такая уж и фантастика. Что касается оживления, то это просто стечение обстоятельств. Мы искупались в антифризе, наглотались его, да еще вместе с какой-то гадостью. Сквозь нас прошел ток, нас опалил огонь, а в довершении всего нас завалило снегом, где и создались благоприятные условия для сохранения тел. Нас наверняка искали, но так и не нашли тогда...

– Видно, не особенно-то и старались, – подал голос подрыльник Адам Марцев. – Мы ж не знаменитости какие, чтобы километры льда бурить годами, лишь бы тела отыскать. Курить охота, убил бы за сигарету...

– Попридержи язык, – шепотом предупредил лейтенант, глазами показав на зеркала под потолком. – Итак уже натворили дел.

– Понял.

– В тела ввели раствор с нано...

– Нанороботы, – подсказал сержант Галс.

– Да, закачали нанороботов, они нас восстановили, после чего оживили. Вот такие дела, – подвел итог Роман Камышов. – Земля теперь – единое государство с округами, земляне – единый народ без национальностей и расовых предрассудков. Колонизировано чуть больше десятка миров. Не так уж плохо... всегда мечтал побывать в космосе, посмотреть на другие формы жизни и все такое. Глядишь, может, и возьмут в звездные разведчики, а, разведка? Что молчим?

– Может, и неплохо...

– А теперь вопрос из вопросов, лейтенант, – заговорил старшина Фрейндлих.

– Какой?

– А на кой хрен нас, собственно, разморозили, да еще всех разом? Взяли бы одного, потом другого, ведь технология могла дать сбой, и весь драгоценный материал пропал бы зря.

– Тебе, старшина, не в разведке, а в контрразведке слу-
жить, – хмуро ответил Роман. Он понял, что не задал себе и докторам главного вопроса, того, который, можно дать голу-
лову на отсечение, первым пришел в голову Виктору. – При-
знаться, я об этом не задумывался.

Такая непонятная ситуация взволновала всех. Солдаты загудели, заспорили друг с другом, что-то живо обсуждая, но шум мгновенно прекратился, едва одна из панелей стала прозрачной и за ней показались люди.

– Эй, может, пожрать принесете, а? А то мы тут уже изго-
лодались, – завелся один из солдат. Его поддержали осталь-
ные.

– Да и курева не мешало бы! – поддержал товарища его сосед.

– Курение вредно для здоровья, а потому вне закона, – ответил один из тех, кто осмелился появиться в окне.

– У вас в пятом тысячелетии никто не курит? – удивился солдат.

– Именно! – с гордостью ответил толстенький человек.

– Ну, а со жратвой как?

– Скоро принесут. И вообще, тут задаю вопросы я!

– Ну-ну, давай свои вопросы...

– Зачем он убил того человека? Ведь тот ему ничего не сделал.

– Ничего себе – ничего не сделал! – возмутился Осип Долгин. Он задрал на себе рубашку и показал на груди и животе два специфических шрама. – А это вы видели?!

– Что это?

– Пулевые ранения! Это тот бородатый гад в меня стрелял! А поскольку никакого электрического тока, антифриза, огня и лавины я не помню, то сдается мне, именно из-за этих пуль я богу душу и отдал... да только вы ее обратно в тело брэнное вернули...

– Вот как значит...

Казалось, министра Глена Пфайффера ответ несколько озадачил. Похоже, как и обещала доктор Стоун, все вставало на свои места.

– Именно. И те двое – сепаратисты, террористы и преступники. В ту ночь, когда все случилось, мы как раз отбивали у них заложников, которых они захватили ради получения выкупа у компании и их бедных родственников. Да только неудачно... Вы с ними поосторожней. Бандюги еще те...

– А вы, стало быть, представляете силы правопорядка? – с надеждой спросил один из членов Комиссии.

– Вроде того, – подтвердил лейтенант Камышов. – Армей-

ская разведка.

– То, что нужно...

– Что нужно? – не понял Роман. – Эй, вы там! Может, объясните? А то некоторые детали кажутся нам чересчур подозрительными. Например, почему нас оживили всех скопом? Это же небезопасно. Доктор Стоун, чего молчите?

– Вам бы отдохнуть не мешало, а потом мы вам все объясним.

– Да какой тут к черту отдых, вы чего темните?!

– Вы сейчас раздражены, можете неверно оценить информацию. Разговор долгий. Может, поедите для начала?

– Ну, хорошо, давайте, – согласился Роман Камышов, почувствовав, как при упоминании о еде у него заурчало в животе.

– Вах! Мои яйца! – вдруг встрепенулся рядовой Алимов, заглядывая между ног и пытаясь нащупать свои генеталии рукой.

– Что там с твоими яйцами, Рашид?

– Как что?! Две тыщи лет во льду! Вот и я хотел бы узнать, что с ними.

– Ну, я где-то слышал, якобы заморозка им не вредна. Ведь есть даже специальные банки, где сперму хранят в замороженном виде, – не слишком уверенно сказал Камышов. – Впрочем, мы сейчас узнаем. Доктор Стоун...

– Я слышала, – невнятно отозвалась Амели. Видимо, тема разговора варваров ее смущала.

– Ну, так ответьте нам, а то, честно говоря, меня самого это начинает беспокоить.

– Хорошо. Ваши... вашим... ваши репродуктивные органы практически не пострадали. Вы сможете иметь потомство.

– Главное иметь, – двусмысленно сказал Рашид Алимов. – А что именно – не суть важно...

В комнату «санитары», как обозвал появившихся людей Роман, вкатили несколько столиков с едой и тут же скрылись, с силой захлопнув дверь, будто выскочили из клетки с живыми тиграми.

– Нервные ребята...

Впрочем, без отдыха все же не обошлось, видимо, в пищу что-то подмешали, поскольку всех сразу после еды потянуло в сон. А, проснувшись, все оказались в своих палатах, привязанные к кроватям ремнями.

«Значит, нам не доверяют, – зло подумал Камышов, – что ж, их можно понять».

Роман осмотрелся. В палате ничего не изменилось, только рядом с кроватью стояло инвалидное кресло с электрическим мотором.

Вдруг ремни отстегнулись, и из скрытых динамиков прозвучал механический голос:

– Не беспокойтесь, пожалуйста, сядьте в кресло.

– Зачем?

– Мы хотим с вами поговорить.

– Поговорить можно и так.

– Поговорить с вами со всеми.

– Понятно...

Камышову кресло не понравилось: уж больно угрожающими выглядели захваты в области ног и рук.

– Что-то говорит мне, будто я сам должен заковать самого себя, – сказал Роман, садясь в кресло. – Я прав?

– Вы очень догадливы.

– А вам слабо?

– Нам бы не хотелось прибегать к крайним мерам, – уклончиво прозвучало в ответ.

– Ну и черт с вами! – раздраженно ответил лейтенант, не собираясь расспрашивать об этих «крайних мерах».

Камышов решительно вставил руки и ноги в петли, и те моментально автоматически затянулись. Дверь из палаты открылась, и кресло само выехало в коридор. Оно немного повиляло, отыскивая направляющую линию на полу, и, держась ее, поехало к месту назначения.

На этот раз помещение, куда приехало кресло, было другое, размером поменьше, но такое же белое. Наблюдатели находились в соседней комнате, отделенной прозрачным, а не зеркальным стеклом, как в прошлый раз, но, безусловно, бронированным.

В комнате, кроме прибывшего Камышова, находилось еще десять человек.

– Привет, лейтенант...

– Здорово, старшина.

Остальные сидели в таких же креслах, с обездвиженными конечностями.

– Нас тут боятся, – весело произнес Осип Долгин. Он прекрасно понимал из-за кого.

– Немудрено, после того, что ты натворил. С чего ты вообще взял, будто бородатый именно тот, кто тебя подстрелил?

– Не знаю, – сделал попытку пожать плечами Осип. – Показалось...

– Понятно.

– Эй, вы там! – закричал старшина Фрейндлих, глядя в стекло. – Вы что, в зоопарк пришли, на редких зверушек посмотреть?

– Нет...

– Ну, тогда хотя бы оковы снимите.

– Хорошо...

Узы тут же ослабли, и все с облегчением потеряли руки, затекшие от ремней.

– Так-то лучше.

– Где остальные? – спросил Камышов.

– Они отказались садиться в кресла, – прозвучало в ответ. – Но имеют возможность слышать все, о чем мы будем говорить.

– И о чем вы хотите поговорить? И кто вы такие, собственно? Я, например, лейтенант Камышов, а это мой взвод, точнее то, что от него осталось... но все же взвод.

– Министр обороны Земной Федерации Глен Пфайффер, – помявшись, представился министр, после чего продолжил: – Не так давно вас интересовало, почему оживили всех разом.

– Точно. Так почему?

– Как вы уже знаете, мы исключительно мирные люди. Времена войн давным-давно канули в лету. По крайней мере, последний военный конфликт случился более полутора тысяч лет назад.

– Ну и?... – подбодрил Камышов замолчавшего министра, который не знал, куда деть руки. Вдруг Романа осенила догадка. – Так вот оно что! Спустя полторы тысячи лет началась новая война!

– Вы правы... Война...

– И при чем тут мы?

– Как при чем? Вы же солдаты...

– Ну и что? Если мы солдаты, это не значит, будто мы будем рады снова вернуться на войну.

– Вы не понимаете! – взметнул вверх руки министр оборону. – Нам всем угрожает опасность! Великая опасность!

– Ну, так воюйте, – пожал плечами Роман. – Берите в руки оружие и стреляйте. В чем проблема?

– Вы не понимаете, – произнес министр и осел на стул, словно сдувшийся мячик. – Мы не умеем воевать...

– Понятно... И какой масштаб конфликта?

– Я не понимаю...

– Ну, какой конфликт? Локальный, то есть банда сепаратистов решила отделиться, или планетарный, когда все все та же банда носится с придурочной идеей о независимости. Может, глобальный, и звездная система поперла на звездную систему, с космическим флотом, с лазерами наперевес, защищая идею той же независимости, будь она неладна. Так какой?

– Глобальный, – кивнул головой министр. – Но по другой причине.

– Слушайте, а на вас случайно не зеленые человечки напали, которые мозги высасывают? – не то всерьез, не то в шутку спросил старшина Фрейдлих. – Или там какие другие твари, скажем из созвездия Гончих псов, а то я, откровенного говоря, с детства ужас как боюсь собак... Понимаете, в детстве, когда мне было лет пять, меня целых два раза покусали огромные псины, было очень больно... Прививки от бешенства делали, с тех пор я очень боюсь собак. Мне даже диагноз поставили... забыл как называется. Синдром какой-то... Но это еще ничего. Вот если это какие-нибудь мохнатые, шестиглазые пауки или там скорпионы, которые клешней перерубают человека пополам, тогда я действительно умываю руки.

Все засмеялись, только сидевшие за стеклом юмора не поняли, им было не до шуток.

– О чем вы? Какие собаки? Какие пауки со скорпионами? Какие зеленые человечки? Обычные люди, такие, как мы с вами... Но они уже практически уничтожили все поселения в системе Лазурит...

– Ладно, Виктор, не паясничай, – едва сдерживая смех, приказал лейтенант Камышов. – От нас-то вы чего хотите? Чтобы мы в одиночку перестреляли всех ваших врагов?

– Я не знаю... может быть, попробуете обучить наших солдат? – с надеждой не то спросил, не то предложил министр Пфайффер. – Вы просто обязаны что-то сделать!

– Не так категорично, – сказал старшина, – мы вам ничего не должны.

Но, посмотрев на сдвинутые брови лейтенанта, Фрейндлих добавил:

– Но помогать не отказываемся, правда, с некоторыми условиями.

– Чего вы хотите?

– Хватит нас держать, как обезьянок в клетках, мы благо-разумные люди и никого калечить просто так не собираемся, а то, что случилось прошлый раз, просто недоразумение... Дайте нам нормальную одежду, а то эти больничные халаты нас уже достали. По городу нас покатайте. Должны же мы узнать, как изменился мир за две тысячи лет. Что еще?... Пока все, дальше видно будет.

– Вы обещаете не применять насилие?

– Клянемся, если, конечно, на нас не наедут. Тут уж как получится.

– Хорошо... На вас не наедут, у нас соблюдают правила дорожного движения, – по-своему понял значение слова Глен Пфайффер.

Из комнаты их выпустили уже действительно свободными. Кто хотел – шел самостоятельно, кто не хотел или не мог – катался на кресле. Некоторые солдаты даже устроили гонки, кто быстрее.

Требования были частично выполнены. Им выдали такую же одежду, какую носили сами члены комиссии и доктора – длинные до пят одежды, больше похожие на китайско-японские халаты-кимоно.

– В этих тряпках я себя чувствую бабой, – возмутился сержант Галс, в общем-то, выражая общее мнение.

– Ничего не поделаешь, у них такие традиции – сказал Роман Камышов, – но, думаю, нам удастся вскоре получить свою форму обратно. Или подобрать что-нибудь более привычное.

– Будем надеяться.

– Вы готовы? – спросил министр Пфайффер, когда все переоделись.

– К труду и обороне? – сделал попытку пошутить старшина.

– В смысле?...

– Не бери в голову. Мы-то готовы, а как насчет прогулки по городу?

– Я, конечно, понимаю, что сидение в четырех стенах

несколько утомляет, но все же просим, чтобы вы приступили к действию как можно быстрее.

– С чего такая спешка? – недовольно поинтересовался лейтенант Камышов. – Один день погоды не сделает.

– Пошел уже четвертый месяц, как мы запустили проект по вашей разморозке. Так что времени прошло уже достаточно, и враг направился к новой колонии, чтобы уничтожить ее, – размахивая руками и брызгая слюной, объяснял министр.

– Понятно.

– Несмотря на то, что вы являетесь запасным вариантом, – продолжал министр, – желательно, чтобы ваши навыки...

– Убивать, – договорил за министра Роман.

– Именно... чтобы ваши знания начали помогать нам как можно быстрее.

– Что ж, с прогулкой по городу можно и повременить. Ведите нас в свой штаб, будем вас консультировать.

– Если мы запасной вариант, то какой тогда является основным? – поинтересовался старшина Фрейндлих.

– Э-э... боевые роботы с элементами искусственного интеллекта.

– Ух ты! – восхитился Виктор. – Тогда зачем вам мы? Если у вас есть такая сила, как роботы.

– Некоторые аналитики считают, если не умеет воевать создатель, то и его создания тоже могут этого не уметь, поскольку...

– Проще говоря, оружием еще нужно уметь пользоваться.

– Именно так, потому мы и привлекли вас, тех, кто умеет пользоваться оружием.

– Ясно. Стоп... а что на счет армии? – спросил Камышов.

– Да ладно вам, лейтенант, – махнул рукой старшина. –

Посмотри на них...

Только сейчас Роман заметил, что все члены комиссии шли на значительном расстоянии от солдат, косо на них поглядывая. И даже министр обороны старался держаться в сторонке, а когда кто-нибудь из солдат к нему подходил чуть ближе, того чуть ли не трясло от страха, особенно остро он реагировал на Долгина. И абсолютно никакой охраны, даже номинальной, – это удивляло больше всего.

– Если у них министр обороны такой сопляк, то что можно сказать о его солдатах? И вообще обо всех жителях?

– Согласен.

Пешая прогулка по обильно украшенным цветами коридорам закончилась в большом зале с огромным стеклянным столом в центре.

– Располагайтесь...

– Что это?

– Какое-то время послужит нашим операционным центром, – пояснил министр Пфайффер. – Отсюда вы будете делать свои предложения по усовершенствованию, усовершенствованию...

Министр обороны мучительно искал оборот, чтобы за-

кончить предложение. Ему помог Камышов, подмигнув доктору Стоун:

– Мы поняли, что вы хотели сказать, господин министр.

– Спасибо. Еще... с вами хотел поздороваться господин президент.

Вспыхнул большой экран на стене, на нем появилось изображение президента. Тот, казалось, ждал вызова, ибо сразу же отвлекся от бумаг на своем столе.

– Добрый день.

– Здравия желаем, господин президент! – в один голос гаркнули солдаты.

– О-о! У меня нет слов! Спасибо. У вас э-э...

– Лейтенант Камышов, – представился Роман. – Развед-
взвод.

– У вас уже есть какие-то предложения для нас, лейтенант?

– Нас ввели только в общий курс дела, господин президент. Нужна более подробная информация для анализа. Собственно, мы здесь, чтобы ее получить в более детальном виде и представить свои умозаключения.

– Что ж, не буду мешать. У нашего министра обороны есть все необходимое. До встречи.

– До свидания, господин президент.

– Какая именно информация вам нужна? – спросил министр Пфайффер, после того как президент отключился.

– Думаю, такой толпой нам тут делать нечего. Старшина,

сержант, останьтесь, а остальные кругом... погуляйте, ребята.

– Почему вы отправили их гулять, как же анализ? – удивился министр.

– Я не знаю, какие порядки у вас, но я буду действовать так, как считаю нужным, как привык. Подчиненные будут лишь выполнять приказ. Если каждый рядовой примется вставлять свое слово, мы так очень долго будем канителиться. Одна голова хорошо, две еще лучше, а если их двадцать... Что касается информации, то мне нужно все. Кто, что, почему напал. Абсолютно все.

– Хорошо...

– И еще... гражданским тут тоже не место. Это касается и вас, доктор Стоун.

– Почему? У нас открытое общество, все является достоянием общественности. Все принятые решения объявят средства массовой информации для широкого обсуждения...

У лейтенанта от этих слов отвисла челюсть. Нечто похожее происходило с остальными размороженными. У старшины вообще наблюдались первые признаки гомерического смеха, и он еле сдерживал себя, но давалось ему это с трудом.

– У вас же вроде война? Или я чего-то не понимаю? – искренне удивился Роман.

– Ну да, война...

– А как насчет военной тайны? – вкрадчиво продолжал интересоваться Камышов. – Ведь и противник узнает о всех

решениях от ваших СМИ. Ведь так?

– Ну да, – вынуждена была согласиться доктор, слегка загипнотизированная взглядом лейтенанта, не совсем понимая, куда он клонит.

– Значит, об этом совещании, а уж тем более о принятых здесь решениях должен знать только ограниченный круг людей, и никакого широкого обсуждения в народе. Чтобы враг не смог действовать на опережение, иначе вы никогда не сможете его победить. О режиме секретности с вашим президентом придется поговорить отдельно. И вы, господин министр, удалите из своего окружения всех, кто не относится к вооруженным силам.

– Вы что же, думаете, будто среди нас имеются шпионы?! – негодовал Пфайффер.

– А почему бы и нет? А даже если и нет... там брякнул пару слов, еще где-нибудь и всё, информация больше не секретна. Это все равно, что противнику сразу сказать, как вы собираетесь ударить по нему и попросить его ничего не делать, чтобы отразить этот удар. Смешно, право слово.

– Это невозможно!

– Кажется, вы просили нашей помощи? Мы согласились. Но уж не взыщите, мы привыкли делать свое дело добросовестно.

– Хорошо, я удалю...

– Отлично. Кстати, доктор Стоун, что вы делаете сегодня вечером?

Вместо ответа Амели развернулась на каблуках и быстро вышла.

– Кажется, ты ее зацепил, – прокомментировал старшина Фрейндлих.

– Мне тоже так кажется. Ну что ж, начнем, пожалуй. Давайте с самого начала, кто они, зачем и почему...

13

Министр какое-то время помялся, собираясь с мыслями и прикидывая, с чего начать.

– Мы их называем оуткастами, по названию планеты проживания.

– Какое-то странное название, – задумчиво протянул старшина. – Что оно означает?

– Э-э...

Министр обороны Пфайффер не успел ответить. Экран, с которого не так давно с ними разговаривал президент, снова включился. На нем вспыхнула заставка, в которой с трудом угадывалась эмблема вооруженных сил. Это означало, что транслируемые кадры могут видеть только люди, имеющие определенный доступ, то есть военные, чтобы лишний раз не травмировать психику простых граждан, и без того сильно пострадавших при первой трансляции, когда Министерство цензуры допустило слишком много жестокости.

– Что это? – спросил лейтенант Камышов.

– Это имеет прямое отношение к нашему разговору. Кажется, все случилось несколько раньше, чем мы предполагали...

«Внимание, людям впечатлительным лучше отключиться или покинуть помещение приема трансляции», – появилась надпись на экране.

– Что случилось несколько раньше?

– Мы надеялись прибыть в Каледонию раньше оуткастов, чтобы подготовиться... Но, как видите, не получилось, мы прибыли одновременно с ними, – пояснил совсем упавшим и дрожащим голосом министр обороны Пфайффер.

С экрана действительно исчезла заставка, и на ее месте появилась чернота космоса, продырявленная тысячью звезд; некоторые из них двигались. Камера настроилась именно на эти движущиеся объекты, и вскоре стало понятно, что это корабли.

– Оуткасты... – пояснил министр. – В Каледонии три обжитых мира, одна планета и два крупных спутника газовых гигантов с атмосферой. Не считая сырьевые базы...

В углу появилось схематичное изображение этого мира с наглядными параболами орбит движения планет. Здесь же были точки движущихся навстречу друг другу кораблей. Министр пояснил:

– Красные точки – это оуткасты, желтые наши... как видите, малые планеты уже потеряны.

И действительно, рядом с населенными спутниками находилось несколько красных точек. Проходила оккупация спутников.

– Нам остается лишь попытаться удержать Эрлих – единственную планету.

Два флота неслись к четвертой планете от звезды – Эрлиху.

– Как вы намерены действовать?

– Занять все стратегические объекты. То есть защитить города.

– А у вас хватит на это сил?

– У нас примерно миллион солдат-роботов, примерно по сто тысяч на каждый город. Мы посчитали, что этого вполне достаточно, тем более – у нас больше нет...

– То есть?

– Это первая партия роботов. Мы послали всех, что сумели собрать за это время на наших заводах, а они работают на полную мощность.

Корабли подошли к планете почти одновременно. Земной флот подходил группами по десять кораблей. Всего их было десятков двенадцать.

Камышов никак не мог понять, что в этих кораблях не так, возможно, ему мешали образы когда-то виденных фантастических фильмов, но когда он увидел корабли оуткастов крупным планом, он понял, чего не хватало земным кораблям – оружия.

Нет, пушки, конечно, присутствовали, но очень мало, по пять-шесть штук на судно. В то время как боевые корабли оуткастов прямо-таки топорщились стволами корабельных орудий, и вскоре это дало о себе знать, когда произошло первое столкновение.

Корабли оуткастов, сблизившись на дистанцию выстрела, открыли ураганный огонь по первой группе кораблей Зем-

ного флота. Яркие вспышки попаданий слегка слепили зрителей, пока не включился световой фильтр. Но кораблям это помочь не могло. Вот уже два из них, получив до сотни попаданий, взорвались. Яркие вспышки ослепили на некоторое время самих стрелков, интенсивность огня ослабла, и это дало кораблям некоторое время, чтобы как можно ближе продвинуться к орбите планеты, но это им не удалось. Начался новый обстрел.

Кто-то дал запоздалую команду произвести десантирование, и сотни огромных шаттлов отделились от носителей и устремились к планете. Но и это им мало помогло. Вслед за шаттлами, несущими в своих трюмах сотни роботов, устремилась в погоню верткая авиация оуткастов.

Истребители, не опасаясь вражеского огня, вплотную приближались к шаттлам и расстреливали их в упор из ракет. Шаттлы даже не делали противоракетных маневров и вообще никак не защищались от губительного огня.

Обнаглев, летчики для экономии ракет, расстреливали двигатели шаттлов из пушек, разбивая рулевые сопла вдребезги, отчего десантные челноки, беспорядочно вращаясь, сходили с курса, больше не представляя для завоевателей никакой опасности.

В итоге первая группа кораблей оказалась почти полностью уничтожена, и в лучшем случае к планете удалось пробиться двум десяткам шаттлов, но Роман сомневался, что им удастся благополучно сесть на планету и разгрузиться. Вслед

за челноками в облака нырнули все те же истребители.

Гибель первой группы кораблей дала возможность остальным приблизиться к планете в других местах более плотно и начать десантирование, но и тут завязались бои, а точнее простой расстрел из орудий и торпед. Оуткасты стреляли довольно точно, как в тире.

– Что происходит? – тихо спросил лейтенант Камышов. – Почему ваши корабли не отвечают огнем на огонь? Ведь у вас же есть пушки, мало, но есть! Стреляйте же, черт возьми!

– Почему шаттлы никак не защищены? – добавил старшина Фрейндлих. – Почему не делают противоракетных маневров? Почему нет противоракетных средств пассивной защиты в виде тепловых, электромагнитных и прочих шашек? Почему нет стационарных огневых средств для активной защиты?

– Почему нет самолетов сопровождения? – обвинительно добавил уже сержант Галс. – Они хотя бы не дали так безнаказанно дурачиться вашим оппонентам. И половина из тех десантных шаттлов достигла бы своей цели, даже без вышеперечисленных средств защиты, просто пройдя по коридору, обеспеченному прикрытием. Вы даже не додумались повесить на корабли дополнительные броневые пластины...

– Что происходит, господин министр? – спросил Камышов. – Я, конечно, понимаю, вас полторы тысячи лет не тревожили войны, но архивы-то вы посмотреть могли? На худой конец, фильмы всякие... можно даже фантастические, там

тоже хорошие идеи есть. Там наверняка обо всем этом сказано. Как бить, как защищаться.

– У нас не было времени подготовиться как следует, – стал оправдываться Пфайффер, словно на суде. – Мы сделали ставку на роботов, а не на средства доставки... мы просто не учли этот момент. Кто же знал?...

– Ну а почему пушки не стреляли? Неужели команда вся, как один, в штаны наделала? Ну, тогда поставили бы автоматику... я думаю, в четвертом тысячелетии такое возможно. Ведь так?

– Именно так. На тех кораблях нет ни единого человека, они полностью автономны и механизированы.

– Тогда в чем проблема? Или опять не учли этот момент?

– Именно... Это пушки против метеоритов. Никому в голову не пришло перенастроить их на стрельбу по кораблям. Поймите, мы мирные люди... мы просто в принципе не понимаем, что значит воевать. Это для нас огромный стресс... мы можем смотреть на это в прямом эфире лишь потому, что понимаем, на погибших кораблях просто груды штампованного железа и пластика, а не люди. Повторяю, мы надеялись прибыть в систему раньше оуткастов... – чуть не плача говорил министр.

На него было жалко смотреть.

– Ладно, об этом потом. Смотрим дальше. Будем надеяться, что на поверхности планеты дела будут обстоять не так плачевно.

Корабли погибали, но они успевали сбросить шаттлы, словно рыба икру на нересте перед тем, как умереть от зубов хищников. Но и ушедшие к планете шаттлы подвергались жестокому обстрелу. Зрители хорошо видели, как при очередном взрыве челнока из огненного шара вылетали тела довольно громоздких шагающих или гусеничных роботов.

До атмосферы добралось в лучшем случае шестьдесят процентов из общего числа шаттлов.

Начали высадку и сами оуткасты. Они действовали в той же манере, как и земные челноки, но не потому, что не умели двигаться к цели иначе, чем по прямой, а потому, что ничего не опасались. Их никто не атаковал, а значит, можно не спешить и провести высадку спокойно, как на учениях.

Картинка на экране, все время менявшая ракурс, то гасла, но появлялась вновь и после секундной заминки погасла совсем. Это означало, что погибли все корабли присланного на защиту системы флота, все сто двадцать кораблей, которые после сброса десанта даже не додумались развернуться и рвануть обратно.

Утешением такой бездарной потере кораблей служило лишь то, что там не присутствовало ни одного человека – члена экипажа, – все выполнялось автоматически. Но и это не помогло.

Высадка как тех, так и других проходила в районе десяти крупнейших городов Эрлиха. Жители просто не знали, как действовать в условиях войны, а потому стянулись в большие города, считая, что высокие дома спасут их. Это было ошибкой – следовало разбежаться, как тараканам, в самые захолустные и забытые богом места.

Вражеская авиация налетала, как саранча, сбрасывая бомбы и пуская ракеты. Города в один момент затянулись черным дымом пожарищ и пылью от обрушившихся зданий. Это создавало панику среди населения. Люди метались по улицам, ища защиты, которой там не было в принципе, погибая под обломками зданий и задыхаясь в пыли.

Высадка продолжалась. Земным шаттлам активно мешала авиация, подбивая суденышки прямо у земли, и те падали, оставляя после себя огромную дымящуюся воронку. Садившиеся челноки, избежавшие участи своих менее удачливых собратьев, тут же освобождались от десанта.

Шаттлы оказались намного больше, чем их сначала представил себе Роман.

Из каждого брюха выходило до десятка трапов, по которым съезжали и сбегали солдаты-роботы трех основных модификаций: пехотинец, зенитчик, ракетчик. Все они тут же разбегались по местности и вступали в бой с противником.

Возле одного из городов разгорелась ожесточенная схватка. На поле вперемешку садились шаттлы землян и оуткастов. Это несколько сковывало действия авиации противни-

ка, чем и объяснялась многочисленность земных шаттлов.

Еще съезжая по трапу, многотонные роботы-зенитчики открывали огонь по кораблям противника. Один из них, после того как его все же настигли три ракеты из десяти, потерял управление и, заваливаясь на бок, стал падать.

Раздался взрыв, который тут же был поддержан бурными аплодисментами членов комиссии. Им казалось, что еще немного и победа будет за ними, а варвары позорно сбегут.

Дела действительно шли неплохо. В завязавшемся бою оуткасты несли большие потери в живой силе и технике.

Ракетчики с грехом пополам сбивали шаттлы и самолеты. Зенитчики косили всех, кто выбегал из тех челноков, что приземлились. Легкие пехотинцы врывались туда, куда не могли стрелять тяжелые роботы, чтобы не попасть в своих.

Так продолжалось до тех пор, пока из особо крупных шаттлов оуткастов, которые, приземляясь, огнем из дюз срывали метровые слои почвы, не стала появляться тяжелая техника – танки.

Выстрелы чудовищно большого калибра пушек буквально сметали роботов, даже если взрывы снарядов попадали в десятки метрах от цели.

Бездушные солдаты Земли еще сопротивлялись, переключаясь на нового противника. Танки горели один за другим, подбитые ракетами, но общий перевес сил складывался не в их пользу. При большей численности механические солдаты явно проигрывали в качестве и умении людям.

Новая волна авиации работала более точно и аккуратно. Пришли в себя солдаты, которых вначале так сильно потрепало. Теперь они, вооружившись гранатометами, выбивали роботов одного за другим, ибо те действовали без особого умения, просто наваливаясь всей лавиной лоб в лоб.

Людям без особого труда удавалось заманивать большие отряды роботов в ловушки между холмами, где сканеры машин не могли обнаружить тяжелую вражескую технику, которая их, собственно, и расстреливала, превращая в металлолом.

Тут выяснился еще один недостаток металлических солдат, хорошо показавших себя в скоротечном бою, – они не умели пользоваться не то что чужим оружием, а даже своим, оброненным их погибшим собратом одной модели. В результате у них просто закончились боеприпасы, а новых взять было негде. Шаттлы, имевшие в своих трюмах сменные картриджи и роботов-погрузчиков, горели, подбитые танками или самолетами, сев на открытое, ничем не защищенное пространство.

Дальше началось простое методичное уничтожение. Люди сначала с опаской, а потом и вовсе осмелев, подходили к машинам и бросали в них гранаты. В роботах, оказывается, не имелось функции рукопашного боя, и они просто стояли как вкопанные, дожидаясь своей участи и щелкая пустыми затворами автоматов.

На остальных фронтах дела обстояли не лучше. Рабо-

ты сходились с людьми лоб в лоб и проигрывали более маневренным и изощренным оуткастам, наносившим удары не только с земли, но и с воздуха, что являлось главным залогом их успеха.

Бои еще продолжались, еще были очаги сопротивления, но их становилось все меньше и меньше, и вскоре не стало совсем. После чего захватчику открылись все дороги в города.

Так и просидели люди за монитором полдня, не испытывая никаких естественных потребностей, полностью захваченные ужасным зрелищем разрушения – варварства.

Кто-то из членов комиссии находился в глубоком шоке, уставившись пустыми глазами в экран, на котором давно уже ничего не происходило, и снова стояла заставка Министерства обороны.

Министр обороны чуть покачивался в кресле, что-то шепча одними губами.

Камышов никак не мог отделаться от ощущения, будто посмотрел затянувшийся фантастический фильм не очень хорошо понимающего предмет режиссера. Все казалось слишком «сырым» и непродуманным.

– Эй... – тихо позвал Камышов Пфайффера. – Вы как, может, вам медиков вызвать?

Не дождавись ответа, Роман нажал на кнопку вызова доктора Стоуна на своем запястье, потом стал звать доктора по имени в микрофон на приборчике, но ответа так и не

получил.

– Ладно, лейтенант, пойдёмте отсюда. Они сейчас все в прострации, видимо, мультик посмотрели все, вплоть до последнего лаборанта, и вряд ли выйдут из такого состояния быстро, – сказал старшина. – Мне, честно говоря, самому немного не по себе от увиденного, что уж говорить о них.

– Хорошо, пойдём, погуляем.

Когда все через полдня пришли в чувство и смогли трезво мыслить, Камышов зачитал им предложения по усовершенствованию роботов, а также предложил новые тактические приемы ведения войны.

Список предложений, составленный при участии старшины и сержанта, оказался довольно внушительным – более ста пунктов. От уже озвученных в самом начале, про стреляющие пушки и противоракетные средства, до необходимости взаимозаменяемости оружия.

– Вам необходимо обзавестись танками, а главное авиацией. Лучше пилотируемой...

– Это невозможно...

– Ну, тогда беспилотной. Но такой, чтоб летала не на бреющем полете, как беременная чайка, а крутилась и вертелась, словно ужаленный в задницу шмель!

– Вы не поняли... это невозможно. Это осуществимо, но у нас нет времени. Необходимо проделать слишком большую работу. Создать новые корабли, эти как их?...

– Авианосцы, – подсказал Роман.

– Именно. Потом нужно сделать сами самолеты, а такого опыта у нас нет. Это многие и многие месяцы, если не годы... – потерянно объяснял министр Пфайффер.

Поражение роботизированных солдат сильно подкосило военного министра, и он практически не вставал с кресла. У него пропала надежда, ведь погибло его детище.

– На пути оуткастов к Земле больше нет препятствий, – продолжил за министра его помощник. – Мы считаем, что через шесть месяцев их флот окажется здесь. Помогите нам. Помогите нам!

– Чем? – Роман аж отшатнулся от истерично закричавшего помощника министра обороны, пытавшегося схватить Камышова за лацканы одежды. – Что мы можем сделать?

– Не знаю, но вы просто обязаны нам помочь! Вы просто обязаны!

– Но я уже предложил вам возможные варианты. Совершенствуйте свою механическую армию, вправляйте им электронные мозги, вводите новые программы с учетом новых тактических схем. Что мы еще можем сделать в этих условиях?

– Хорошо... Обучите нашу армию! – с горящими глазами вдруг предложил министр Пфайффер, сам плохо понимая, о чем просит.

– Ну, ладно, попробуем, – сказал Камышов, чтобы хоть что-то сказать и приободрить собравшихся. – Хотя я с тру-

дом себе представляю, как это можно сделать.

– Спасибо!

– Да не за что. Но все же начните переоборудовать судостроительные верфи под новые корабли. Нужно сделать все возможное...

– Конечно-конечно, мы все сделаем! И начнем прямо сейчас.

Через полтора часа, взлетев с крыши медицинского института, вертолет приземлился на бетонной площадке ближайшей военной базы. Турбины стихли, замедлили свой бег винты, и только тогда людям позволили выйти.

Воинская часть больше напоминала ботанический сад. Кругом полно цветочных клумб с диковинными цветами, каких Камышов раньше никогда не видел, из чего сделал вывод: это либо новые выведенные сорта – чего только не произошло за прошедшее время, либо цветы-инопланетяне, привезенные из колоний, находящихся за многие световые годы от Земли. А может, и то, и другое вместе.

«Интересно будет сходить в зоопарк, – вдруг подумал Роман. – Посмотреть на неведомых зверушек».

Практически ничего не говорило о том, что они прилетели на военный объект. Нигде не видно привычных им полос препятствий в виде траншей, деревянных горок, веревочных переправ и сеток, стрельбищ и прочих атрибутов воинской части. Правда, еще оставалась надежда, что все это где-то спрятано подальше от глаз, но почему-то лейтенанту в это верилось с трудом.

От старых воинских частей остался знакомым только плац со знаменем, по которому гуляли военнослужащие, назвать их солдатами у лейтенанта не поворачивался язык. Форма,

кроме цвета, ничем не отличалась от гражданской одежды.

Так называемые солдаты собрались толпой неподалеку от севшего вертолета, а когда винты совсем прекратили движение, к ним вышел молодой человек лет пятидесяти с тремя серебряными звездочками на шапочке, больше похожий на кефи, только без козырька.

– Полковник Бенни Сталлер, добро пожаловать, – поздоровался тот, протягивая руку.

– Лейтенант Камышов, – рефлексивно козырнул Роман, на мгновение забыв, что он даже не в форме, и ответил на рукопожатие.

– Что это вы сейчас сделали?

– Не важно... это и есть ваш личный состав, который нам предстоит обучить? – поинтересовался Роман, оглядывая толпившихся солдат, толкавшихся и тянувших шеи, чтобы получше разглядеть прилетевших.

– Они самые.

– М-да, работы будет больше, чем я предполагал, – поморщился лейтенант. – Ну что, ребята, пошли посмотрим, что можно с ними сделать.

– Да я уже сейчас вижу, что ничего... – прокомментировал старшина. – Детишки какие-то, честное слово.

– И тем не менее.

– Прошу за мной, – пригласил всех полковник Сталлер и повел прибывших за собой.

– Скажите, полковник, а чем вы вообще занимаетесь?

– В каком смысле?

– В прямом. Войны, за исключением той, которая идет сейчас, не было очень давно, а между тем армия существует. Какие задачи она выполняет? Не существует же она как реликт прошлого, как аппендикс у человека.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – кивнул полковник. – Но наша армия – это армия не в привычном для вас понимании этого слова.

– То есть?

– Армия спасения... пожалуй, это наиболее точное определение.

– И кого же вы спасаете при нынешнем благополучии?

– Многие проблемы, конечно же, исчезли, но природных, да и техногенных катастроф никто не отменял. Случаются сильнейшие землетрясения с многочисленными разрушениями, гигантские наводнения и так далее.

– Ну, а почему тогда армия, а не министерство по ЧС, как в свое время было у нас?

– Так повелось. С тех пор многое изменилось.

– Понятно, традиция. Что ж, полковник, давайте посмотрим на ваших ребят.

– Так сразу?

– А чего тянуть? На нас тут постоянно давят, дескать, времени нет.

– Понимаю.

Полковник подозвал своего помощника и приказал тому

дать сигнал сбора. После чего резко изменил направление движения, и через пару минут все вновь оказались на плацу, где уже достраивались последние шеренги сбегавшихся отовсюду солдат. Вскоре прибыли все солдаты, кому положено было здесь находиться, образовав каре, отчего на плацу стало тесно.

Камышов сразу заметил, что различия здесь между мужчинами и женщинами не делались, по крайней мере, они все стояли вперемешку.

– Сколько здесь? – спросил Камышов, с удовлетворением отметив, что его люди построились сами и стояли по стойке «смирно».

– Пятьсот человек.

– Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Лейтенант прошелся вдоль одной из шеренг. Лица солдат ему не понравились. Такие лица были у «ботаников», только что попавших в часть и думающих, будто все это с ними не серьезно, что это просто кошмарный сон и стоит только проснуться, как все исчезнет само собой.

Как правило, таких научить чему-нибудь дельному очень сложно. Многие из «ботаников» не выдерживали и сбегали или, еще хуже того, вешались или стрелялись, предварительно расстреляв своих обидчиков.

– Хреново...

Наконец Роман отыскал в строю более или менее нормальное мужественное лицо. Показав на парня, он спросил:

– Как тебя зовут, солдат?

– Оуэн Уилсон, сэр... – смущаясь, ответил тот. Он не знал, как себя вести с варваром из темных веков.

– Выйти из строя, рядовой Уилсон.

Передняя шеренга расступилась, и солдат несмело, помявшись с ноги на ногу, вышел вперед.

– Ударь меня, рядовой, – приказал лейтенант.

– Зачем, сэр? – непонимающе спросил солдат, оглянувшись на своих товарищей, оставшихся в шеренге, ища у них поддержки.

– Ударь меня, это же так просто, взял, сжал кулак и двинул в морду.

– Но зачем?! Это же нецивилизованно! Зачем мне вас бить? Вы мне ничего не сделали, сэр. И даже если бы и сделали...

Договорить солдат не успел, просто подавившись словами, когда Роман легонько ткнул его кулаком в плечо, повторив требование:

– Ударь. Ну же, ударь, – повторял Камышов, ударяя солдата в плечо все сильнее и сильнее. – Ударь, кому говорю!

В строю начались волнения, по рядам покатился ропот, и, не выдержав, подбежал даже полковник.

– Что вы делаете? Что тут происходит?

– Прикажите этому рядовому ударить меня, полковник. Со всей силы.

– Но зачем? Мы не приемлем насилия. Что он вам...

– Просто прикажите, мне нужно понять, чего они стоят и как мне их обучать.

– Хорошо... – кивнул полковник Сталлер и, повернувшись к солдату, приказал: – Уилсон, ударьте его, как просит господин лейтенант.

– Хорошо, господин полковник...

Солдат долго собирался с духом, строй погрузился в абсолютную тишину, ведь сейчас должно произойти невиданное – один разумный человек ударит другого.

Наконец дрожащая рука рядового полезла вверх и, замерев в верхней мертвой точке на пару секунд, решительно понеслась вниз, стремясь попасть по голове уже ненавистного лейтенанта.

Роман Камышов просто сделал шаг в сторону, и кулак прошел мимо.

– Еще, – потребовал Камышов.

И после кивка полковника рядовой Уилсон повторил попытку, но с тем же плачевным результатом.

– Ударь же меня, черт возьми! Или ты только и можешь, что воздух месить? Давай же, давай обеими руками. Ну?!

Видимо, в голове рядового произошел какой-то сдвиг, и он чуть ли не с рычанием набросился на лейтенанта, размахивая обеими руками. Камышов лишь уклонялся, уходя все время в сторону, подкалывая солдата обидными шуточками, чтобы еще сильнее раззадорить его.

– Что ты руками машешь, как ветряная мельница? Бей, а

не маши!

После полуминутного уклонения, когда Роман двигался по всей свободной площади плаца, Камышов прямо на ходу выбрал из строя еще двух человек в дополнение к почти выдохшемуся рядовому Уилсону.

– Помогите ему, а то он все никак не может меня ударить. Может, вам удастся. Начали.

Теперь солдатам не потребовалось одобрения своего командира, и они набросились на лейтенанта, но все с тем же успехом. Лейтенант Камышов ставил простые блоки без продолжения контратакой.

– Давайте-давайте, – поддразнивал солдат Роман. – У вас почти получилось...

Прошло еще полминуты, и Камышов к уже имевшейся тройке добавил еще двух солдат. И честно их предупредил:

– Ребята, если в течение первых десяти секунд вы не выведете меня из строя – не свалите на землю, вы об этом сильно пожалеете. Начали.

Началась новая возня. Солдаты мешали друг другу, но Роман не делал им поблажек. Блоки стали жестче, а некоторые получили по тумаку, что только сильнее разозлило противников, но и придавшая им силы ярость не помогла.

Камышов добровольно увеличил время такого спарринга до пятнадцати секунд, продолжая легонько поколачивать солдат, а потом случилось то, чего ждал взвод лейтенанта и чего не ожидал больше никто.

Роман растолкал солдат, ныряя им под руки, освободив для себя чуть больше пространства, и в следующую секунду быстро нокаутировал противников, отвесив каждому по одному удару, довершив разгром эффектным ударом ногой в живот с разворота, отчего противник отлетел на полтора метра и грохнулся на бетон спиной.

– Подберите их...

Никто не пошевелился, тогда Роману пришлось буквально вырвать из строя нескольких человек за шкуру. Остальные выходили из ступора сами, в страхе шарахаясь в сторону, стоило ему только к ним приблизиться.

– Ты не слишком увлекся? – улыбаясь, спросил старшина, когда лейтенант вернулся к своему взводу, а раненых унесли их ошеломленные товарищи. – Особенно с последним пируэтом?

– Ну, разве что чуть-чуть...

Министр обороны был вне себя и долго не мог успокоиться.

– Вы же обещали никого не трогать! Не применять насилие! Зачем вам потребовался этот... это... безобразие! Говорите!

– Я хотел посмотреть, на что способны ваши солдаты, господин министр обороны.

– Если бы вы спросили, то мы бы сказали, наши солдаты не занимаются силовыми видами боевых искусств. Этот рядовой Уилсон получил сильнейшее эмоциональное потрясение, которое запросто может перейти в психическое заболевание. Полковник Сталлер вам вроде бы сказал, что мы не приемлем насилие...

– А придется, господин министр. Иначе никак. Сами понимаете – война.

Министр Пфайффер сразу как-то сник и, обидчиво поджав губы, отвернулся. Видя, что от министра обороны больше ничего не добиться, Камышов обратился к командиру части:

– Кстати, господин полковник, что вы предприняли в связи с объявлением вам войны?

– А что мы должны были предпринять?

– Хм-м... Ну, может, усилили физическую подготовку

солдат. А то тот рядовой с минуту помахал кулаками – и все, бери тепленьким, а ведь он не из дистрофиков. Или провели стрелковую подготовку... вы вообще как, стреляете? Или вы даже оружие в глаза не видели?

– Ну почему же, – обиделся полковник, – стреляем. А что касается физической подготовки, то подобный ритм, который вы им задали, был для них непривычным и очень стрессовым... А так солдаты регулярно занимаются в тренажерном зале, на самых различных снарядах. Что касается увеличения количества стрельб, так это ни к чему. Все солдаты стреляют на отлично, – с некоторым вызовом сказал полковник Сталлер.

– Ну что ж, пойдёмте, посмотрим на стрелковую подготовку ваших солдат. Поскольку нормально драться мы их не сможем научить даже за год, так что лучше и не пытаться, а сосредоточиться на других дисциплинах.

– Пойдёмте.

Полковник привел всех в просторный тир, где их уже ждал взвод солдат с винтовками в руках. В ста метрах от огневого рубежа находился экран с мишенями.

– Где-то я уже их видел, – произнес старшина Фрейндлих, имея в виду мишени.

– В рекламе, наверное, у спецслужб такие были, что-то с телеметрией связано...

– Точно! Там еще человечки бегали, а в них стреляли из оружия. Меня всегда удивляло, как это все работало?

– Вот и посмотрим.

Но вместо людей-мишеней на экране появились обычные мишени «кругляшки», какие использовались в обычных тирах с пневматическими ружьями для детей.

По сигналу взвод солдат подошел к рубежу и по второму сигналу своего сержанта начал стрельбу.

Винтовки в руках солдат быстро защелкали, и над каждым из них высветился результат, у всех было от девяносто пяти до ста очков.

– Видите, какие прекрасные результаты, – похвалился полковник. – Примерно такие же и по движущейся цели. Посмотрите сами...

Полковник Сталлер кивнул сержанту, и мишени на экране начали свое движение. Солдаты после соответствующих сигналов снова начали стрельбу. Результат, как и обещал полковник, оказался почти таким же отличным.

– Неплохо, – кивнул Роман.

– А хотите проведем эксперимент? – предложил полковник. – Кто точнее стреляет.

– Вы хотите нас проверить, как стреляем мы? – спросил лейтенант.

– Да.

– Хорошо, – согласился лейтенант Камышов. – Давайте, парни, к рубежу.

Взвод лейтенанта позаимствовал винтовки у стрелявших. Взял одну из винтовок и Роман, привычно взвесив ее в руке

и определив центр тяжести.

Оружие оказалось довольно легким и хорошо лежало в руке, однако прицел был несколько непривычным, Впрочем, с ним ему удалось разобраться самостоятельно, как и его солдатам, без помощи сержанта-инструктора.

Стрельба оказалась на порядок хуже, чем у предыдущих стрелков. Средний результат в районе семидесяти пяти очков. По движущейся мишени и того хуже.

– Вот видите, – победно проговорил полковник Сталлер. – Даже с учетом того, что это оружие вам непривычно, наши солдаты стреляют лучше. Так что кое в чем мы можем дать вам фору.

– Хм-м, как сказать, – произнес Роман, глядя на кривую ухмылочку министра Пфайффера, которая заставила его повторить предложение полковника: – Хотите эксперимент?

– Какой? – подозрительно спросил полковник.

– Ничего такого... у вас есть боевое оружие, на худой конец пистолеты.

– Ну, есть, – после долгой паузы признался полковник. – Вы что же, хотите стрелять боевыми? Но тир для этого не приспособлен.

– По мишеням можно пострелять из этого оружия, – показав на лежащие на столах винтовки, сказал лейтенант.

– Тогда зачем вам боевое оружие и к тому же реальные боеприпасы, которые находятся на закрытых складах...

– А холостые патроны есть?

– Да...

– Давайте их сюда.

Спустя десять минут с согласия министра по приказу полковника Сталлера, на автокаре подвезли боевое оружие и холостые патроны к нему.

Все чувствовали, что этот варвар готовит им какой-то неприятный сюрприз, но какой именно, спросить напрямую никто не решился. Считая это ниже своего достоинства.

Оружие зарядили, и его взяли солдаты лейтенанта Камышова, которым он тихо объяснил задачу. Те заулыбались, поняв задумку командира.

– И что теперь, – даже с некоторым любопытством поинтересовался полковник.

– Как обычно, пускай ваши люди приступают к стрельбе. И пусть продолжают стрелять, что бы ни произошло. Вы поняли, господин полковник? Что бы ни произошло, – настоятельно повторил Роман.

– Хорошо, я понял.

– А ваши люди?

– И они поняли, – уже не так уверенно заявил полковник Сталлер, не в силах сообразить, где собака зарыта и чем это ему грозит.

Солдаты полковника уже привычно подошли к огневому рубежу и приготовились к стрельбе. В этот момент им за спины зашли люди лейтенанта, и он сам встал позади одного из солдат, положив палец на спусковой крючок.

Когда прозвучали первые выстрелы, начали палить из реального оружия солдаты Камышова. Грохот стоял довольно сильный, не спасала даже звукоизоляция, при том, что сами выстрелы были гораздо тише, чем из того же АКМ.

Некоторые солдаты оборачивались в испуге, но им тут же напоминали о приказе полковника – стрелять, что бы ни происходило, и те стреляли, вздрагивая при каждом реальном выстреле, пусть и холостым патроном.

Результат стрельб, как и предполагал Роман, оказался довольно плачевным, со средним результатом сорок пять баллов.

– А хотите, мы отстреляемся при тех же условиях? – предложил Камышов.

– Нет... – хмуро ответил полковник. – Нет, не надо. Я вам верю, вы отстреляетесь лучше...

Лейтенант выдал новые рекомендации:

– Введите нормальную физическую подготовку. Не просто тренировки в тренажерных залах, а полноценные маршброски с полной выкладкой. С оружием, боеприпасами и прочими нужными вещами для выживания. Стрельбу тоже нужно качественно улучшить. Уберите эти дурацкие мишени, поставьте на их место картонные изображения людей и ведите стрельбу реальными боеприпасами. Пусть привыкают психологически, что стрелять им придется по живым людям. Кстати о психологической коррекции... У вас есть

фильмы о войне?

– Нет, – ответил полковник.

– Что же вы смотрите?

– Ну... – замычал Глен Пфайффер. Он почему-то стал стесняться перед этими людьми того, что показывали по телевидению, и даже разозлился на них. – Мы показываем...

Министр обороны так и не смог внятно объяснить, что они смотрят.

– Любовь-морковь? – попал в самую точку старшина. – Про ударные стройки, доярок-свинарок... выполнение и перевыполнение планов, открытие новых миров, их освоение...

– Вроде того.

– Да ребята, вы...

– Впрочем, это не важно, – перебил Виктора Роман, видя, как у министра покраснело лицо. – Найдите фильмы про войну. Реалистичные фильмы. Пусть смотрят, как проливается кровь, лезут наружу кишки, отрывает конечности, – сначала в художественных картинах. Под конец поставьте реальные кадры документального кино... Впрочем, я не психолог, не знаю, что еще можно вам посоветовать. Вы уж как-нибудь сами разберитесь на основе моих предложений.

– Мы поняли.

– Вот и ладно.

Медицинские процедуры продолжались, но с каждым днем они становились все менее интенсивными и занимали меньше времени.

– Здравствуйте, доктор Стоун, – поздоровался Роман Камышов.

– Добрый день, – избегая смотреть ему в глаза, не слишком дружелюбно ответила Амели.

– Вы что, обиделись на меня за то, что я в прошлый раз не дал вам поприсутствовать на так и несостоявшемся совещании?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем...

– Ну, если ни в чем, то, может, вы ответите на один маленький вопросик?

– Какой? – с подозрением спросила Амели и снова отвернулась.

– Что вы делаете сегодня вечером?

– Почему вы спрашиваете?

– Хм-м... Сначала ответьте.

– Ничего...

– Тогда я хочу пригласить вас на романтический ужин, – с придыханием пояснил Роман и улыбнулся, наблюдая за док-

тором. – Как мило, у вас на щеках выступил румянец. Не отворачивайтесь. В мое время вызвать румянец у наших девушек было не так-то просто, если вообще возможно. Для этого их нужно было сильно впечатлить...

Роман замолчал, вспомнив не слишком приятную историю, когда в один из отпусков гулял по городу и вот также пригласил девушку поужинать. Он провел шесть месяцев в горах, она была красива, и поэтому он не обратил внимания на некоторые особенности в одежде девушки.

– Потрахаться, что ли? – ответила та, оглядывая лейтенанта. – Полтинник в у. е.

В тот вечер, пожалуй, покраснел он сам. Уши горели, словно ободранные в кровь шиповником. Это ж надо напороться на спешащую на работу проститутку, да еще пригласить ее на ужин?!

– А вы почему покраснели? – спросила Амели, выдернув Камышова из воспоминаний.

– Вспомнил одну довольно забавную историю.

– Связанную с женщиной?

– Интуиция вас не подвела, – с усмешкой признался Роман.

– Расскажите.

– Думаю, не стоит. Для ваших ушей это будет чересчур вульгарно. Вы уж мне поверьте.

Процедуры закончились, лейтенант оделся и вновь повторил свое предложение.

– Хорошо, я отвезу вас в ресторан.

– Благодарю.

Машина ехала бесшумно по широкой дороге с не слишком оживленным движением. За рулем сидела Амели, но машина двигалась на автопилоте, который вел ее по датчикам в бетоне автострады.

Город был таким, как его и представлял лейтенант, а точнее таким, каким его представляли фантасты второго тысячелетия, думая об идеальном обществе. Большие, белые и в то же время не слишком высокие дома. Широкие улицы чисты и заполнены зеленью. Архитектура разнообразна и не утомляла глаз облезлыми бетонными коробками с крохотными комнатами или зеркальными высотками, подпирающими небосвод. Вместо этого многие дома венчали стеклянные купола, в которых находились сады.

– Красиво. Прямо настоящие висячие сады... не то Соломона, не то Вавилона... И что, везде так?

– Нет. Существуют целые области, где жить практически невозможно. Наследие последней войны – тысячи квадратных километров, выжженных термоядерным оружием.

– Кстати о термоядерном оружии. Оно у вас еще есть?

– Зачем оно вам?

– До сих пор я мыслил категориями локального конфликта. Но если есть оружие, то можно сделать глубокий рейд и просто выжечь столичную планету этих оуткастов.

– Мы бы на это никогда не пошли. К тому же последнюю бомбу давно утилизировали. И никто не даст согласие на создание новых.

– Даже во имя спасения вашей цивилизации, когда корабли оуткастов встанут на орбиту Земли?

– Да, даже ради спасения цивилизации. Ибо не известно, как поведет себя оружие и не будет ли оно в какой-то момент использовано против нас самих.

– Благоразумно. Что ж, не будем о грустном. Ресторан еще далеко?

– Через квартал.

– Кстати, почему так мало народу на улицах? Такое впечатление, будто все стараются двигаться как можно быстрее, нигде подолгу не задерживаясь.

– Так и есть, люди напуганы...

– Неужели так сильно? – не поверил Роман. Ему было трудно понять состояние этих людей. Ведь он сам воевал, но стоило перейти за невидимую административную границу некоего субъекта, как обнаруживалось, что там живут и веселятся, как ни в чем ни бывало. Полно девочек, ресторанов, гулянок и прочего.

– Да... Мы очень законопослушное общество, и варварские методы не в нашем стиле.

– А преступность?

– Ее нет.

– Не может быть!

– И, тем не менее, это так. За прошлый год не произошло ни одного смертоубийства.

– В городе?

– На планете. В колониях дела обстоят чуть похуже, но и там, как и на Земле, преступления случаются исключительно из-за невменяемости преступившего закон. Зачем убивать или воровать, ведь все необходимое человек получает и так...

– Каждому по способностям, от каждого по труду, – повторил лейтенант когда-то популярный лозунг строителей идеального общества.

«И, кажется, они его построили, только название другое», – с усмешкой подумал Роман.

– Конечно, легче преступника объявить сумасшедшим...

– Я понимаю, куда вы клоните, но заверяю вас, это не так.

– Прямо рай на Земле... – потрясенно проговорил Роман Камышов.

Машина сделала плавный поворот и остановилась перед лестницей, ведущей к стеклянным воротам. Роман ожидал швейцара или водителя, но ни того, ни другого не было. Вместо этого машина укатила сама, как только пассажиры вышли.

– Эй, куда это она?!

– На стоянку.

Ну а то, что двери распахнулись сами, Камышова даже не удивило, это он видел и раньше, и не только в госпитале.

Доктор Стоун сделала заказ на двоих, и, к облегчению Романа, ужин на подносе принес полноценный живой официант.

– А то меня ваши роботы уже, признаться, достали, – кивнул на человека с подносом Роман.

– Вы правы. С некоторых пор наблюдается тенденция где только возможно избавляться от машин в повседневной жизни.

– Неосознанное недоверие?

– Что-то вроде того, – согласилась Амели.

Камышов взглянул на тарелку и увидел там так опостылевшую ему кашу.

– Доктор, а нельзя ли более привычную пищу, а то эти витаминизированные пудинги меня скоро доканают.

– Но это и есть обычная пища...

– А я думал, только в госпитале нас так кормят, из-за того, что недавно разморозили. А нельзя ли мяса, курицы скажем?...

– Мяса?! – изумилась Амели. – То есть вы хотите, чтобы вам подали приготовленный... труп животного?!

– Ну... – протянул Роман, несколько смущенный словом «труп». – Фактически да.

– Мы не употребляем животную пищу. Мало того, что это негуманно – убивать животных ради еды, так в ней еще слишком много вредных веществ... Все необходимые питательные элементы мы получаем через модифицированную

растительную пищу.

– М-да. Может быть, вы и не умеете воевать оттого, что не едите животной пищи, – изрек Роман, вспомнив бородачей, которые только мясом и питались и, казалось, не умели ничего другого, а, главное, ничего и не хотели, только воевать, все остальное за них делали пленники.

«Нажрутся мяса, а потом смотрят – кому бы кишки выпустить», – с ненавистью подумал Камышов.

– Но поверьте, это очень вкусно, – проговорил Роман и почувствовал, как рот наполнился слюной от красочно представленного блюда, которое он и стал описывать доктору Стоун: – Кусочек мяса отбивают деревянным молоточком, обваливают в хлебных крошках и поджаривают на масле. М-м-м... пальчики оближешь.

Роман замолчал, увидев, что лицо Амели посерело и, казалось, ее вот-вот стошнит, так что пришлось прикусить язык.

Ужин прошел практически в полном молчании. Кроме того, выяснилось, что и алкоголь здесь также не употребляют, даже самый малоградусный. В бокалах место вина подали обычный сок.

После такого ужина у Романа отпало всякое желание действовать дальше, но мало-помалу оно вернулось вновь.

– А как вы детишек делаете? Часом не через пробирку? – уже на выходе из ресторана спросил Роман, наблюдая за тем, как к крыльцу подъезжает автомобиль Амели, деловито кру-

тя рулем, будто там ехал водитель-невидимка.

– Н-нет... не через пробирку...

– Ну, слава Аллаху! – в шутку воскликнул Роман, сложив ладони. – А дети у вас есть?

– Нет. Куда вы клоните? – спросила Амели, отключив автопилот, отчего машина слегка вильнула в сторону.

– Может, к вам заедем? Посмотрю, как вы живете. Как вообще в четвертом тысячелетии человек живет, чем дышит. О погоде поговорим. Кстати, сегодня отличная погода...

– Я вообще-то диссертацию писала о вашем времени, о темных веках, и, кажется, понимаю, куда вы клоните.

– И что тут такого? – прикинулся невинной овечкой Камышов.

– Если хотите знать, то у меня есть друг! – с вызовом бросила Амели.

– И что тут такого? – снова повторил Роман.

Вместо ответа Амели нажала на газ, и машина помчалась, словно ракета, обгоняя еле тащившиеся авто на автопилоте. От такой езды Роману стало плохо, и он скоро запросил пощады, будто нашкодивший ребенок:

– Хорошо-хорошо, я больше не буду... только давайте чуть помедленнее.

«Я ее точно зацепил, – с удовлетворением подумал лейтенант. – Просто на этот раз придется потратить больше времени».

– Давайте сменим тему... – предложил Роман после некоторого молчания. – Что от вас нужно оуткастам и кто они вообще такие? Прошлый раз министр так и не успел рассказать, а потом все завертелось слишком быстро. Может, вы расскажете, все равно говорить не о чем. Погода меня как-то мало колышет...

– Хорошо, расскажу, – с видимым облегчением согласилась Амели, довольная тем, что этот варвар из темных веков сам ушел со «скользкой» темы. А то она чувствовала, что еще немного и совершит антиобщественный поступок – ударит своего пассажира. – Как вы уже знаете, на земле полторы тысячи лет назад закончилась большая война, унесшая десятки миллионов жизней и погрузившая оставшийся выжженный ядерным огнем мир в хаос. Война так и не принесла кому-либо победы, все остались в проигрыше...

Прошло какое-то время и, как следовало ожидать, появился диктатор, жесткой рукой объединивший разрозненные остатки государств в единую, как тогда сказали бы – Империю.

Как ни странно, в результате этой войны произошел один из самых сильных технологических скачков – человек без особых энергетических затрат смог выйти в космос, не просто на орбиту, а полноценно летать внутри системы, а потом

и к звездам.

– Как похоже... наша космическая отрасль тоже возникла именно после войны... Продолжайте.

– Вот тогда диктатор создал целый флот гигантских кораблей и пошел новой войной на прошлых противников, предварительно предложив им добровольно покинуть Землю и на его кораблях улететь на только что открытые планеты. Согласились не все, и кто отказался, тех он уничтожал...

– Какой-то странный был диктатор. Взял бы да и уничтожил всех, чего канитель тянуть?

– Значит, не таким он зверем был, чтобы уничтожать всех...

– Понятно, просвещенный диктатор. Это большая редкость.

– Как бы там ни было, всех согласившихся свозили сначала на малые планеты Солнечной системы, а через сотню лет, когда корабли стали более совершенными, их всех переправили на планету самой дальней звезды, до которой тогда могли добраться. Тот путь занял несколько лет, и не все корабли долетели до места назначения, но те, кто добрался, назвали себя оуткастами – отверженными.

– Им не позволили вернуться?

– Все помнили, почему началась война – они были слишком фанатичны и хотели, чтобы все на Земле верили только в их бога, и от этих идей они не отказались. Поэтому им решили предоставить отдельную планету, где они могли бы

верить во все, что им вздумается.

– Так, с этим понятно. Мне непонятно, как им удалось самим отстроить целый флот, чтобы напасть на вас.

– Их отвезли в дальнюю систему, но не бросили на произвол судьбы, считая, что следующие поколения не виновны в том, что натворили их предки, а стали помогать различными технологиями... но и вернуть на Землю их тоже не могли. Тогда уже практически сложилась нынешняя система взаимоотношений, культура, традиции, а они в нее не вписывались и, главное, – не хотели вписываться.

– Понятно. Это как в анекдоте. Вы дали им запчасти для самовара, а они из него собрали автомат.

– Я не поняла...

– Ну, вы давали им сугубо мирные технологии для создания сельскохозяйственных машин и прочего оборудования, а они смогли довести их до ума и построить то, что было необходимо им.

– Примерно так.

– Мне одно непонятно, как вы все это проморгали и не приняли упреждающих мер... А-а... ну да, я совсем забыл, – тут же понял свою оплошность Роман, – вы не приемлете насилия.

Машина въехала в ворота госпиталя.

– Ну ладно, с этим разобрались. Тогда чего они хотят?

– Мы не знаем...

– Ну не могли же они объявить войну просто так?! Чего-то

же они потребовали?

– В том-то и дело, что ничего! Просто взяли и напали.

– Никак не объяснив свои действия? – все больше удивлялся Камышов. – Быть такого не может. Может, им нужны новые, более совершенные технологии, сырье... ну я даже не знаю, что им может быть нужно. Что-то же должно им требоваться? Вы пробовали с ними связаться? Потребовать от них объяснений.

– Конечно, пробовали, но они не отвечают на наши запросы. Правда, было одно короткое сообщение после того, как они разрушили все города на всех планетах системы Лазурит.

– Что там сказано? – оживился Роман. – Какие-то требования?

– Ничего такого. Но вы сами можете посмотреть и убедиться.

– Хорошо.

– Прошу за мной.

Амели проводила Романа в конференц-зал, где прошлый раз хотели провести совещание, прерванное нападением на Каледонию, и за ним наблюдали в прямом эфире.

Доктор Стоун набрала нужный код, и после ряда заставок появилось изображение человека с косматой бородой и зеленой повязкой на лбу, с садистским выражением лица.

– Кто это?

– Наши аналитики считают, это новый предводитель оут-

кастов...

– А что случилось со старым?

– Не известно.

– Понятно, государственный переворот. Кстати, какая у них политическая система?

– В каком смысле?

– Ну, как они избирают нового руководителя и вообще, чем дышат. Партии, парламенты, клановое устройство?

– Я не знаю. Знаю только, они там постоянно воюют друг с другом.

– Уже хорошо... Ладно, включайте воспроизведение.

– Пожалуйста.

Амели нажала на кнопку пульта, и замершее лицо на экране пришло в движение. Лицо человека Камышову не понравилось, оно было слишком диким, с широко открытыми глазами, что также неестественно.

– Мы возвращаемся! – сказал человек на экране и что-то закричал на непонятном для автопереводчика языке, все время взмахивая рукой с поднятым вверх кулаком, как на какой-то демонстрации, повторяя одну и ту же фразу.

Экран погас.

– Это все?

– Да.

– М-да, ребята, у вас большие проблемы. Этот приду-рок...

– Ругательное выражение, – пророкотал автоматический

голос аппарата, стоявшего на столе, из которого вылезла бумажка квитанции. – С вас взят штраф, возьмите чек. Постарайтесь больше не использовать ненормативную лексику. Спасибо.

– Его можно отключить?

– Да... – Амели нажала несколько кнопок на аппарате. – Больше он не будет...

– Отлично. И вообще, отключайте их везде, где мы будем появляться, а то надоели до смерти. Ну, так вот. Этот при... короче он полный псих или фанатик, без разницы.

– Но вы поняли, что им нужно?

– Да.

– И что же?

– Ваша кровь. Но, несмотря на это, есть и хорошая новость.

– Какая же? – удивленно спросила Амели. Ей казалось странным, что при нынешних обстоятельствах есть еще и хорошая новость.

– У вас есть ровно столько времени, сколько им необходимо, чтобы разрушить все колонии.

– Что вы имеете в виду?

– Этот шизик оставил Землю на закуску, как самое вкусное блюдо.

– Но компьютерный анализ показывает, что дорога на Землю открыта и препятствий для флота оуткастов больше нет.

– Компьютер ошибается.

– Но...

– Никаких «но». Компьютер решает только логические задачи, даже если он наделен интеллектом. Вам противостоит фанатик, в мышлении таких людей нет места логике. Все их действия, всё их мышление иррационально. Так что у вас есть время подготовиться, построить новые корабли, оружие, роботов...

– Вы думаете, нам удастся их остановить? – с надеждой спросила Амели, вспомнив, что почти те же самые доводы она приводила президенту Гуттенбергу, спрашивая разрешение о разморозке.

– Конечно, – солгал Роман. – Нужно только постараться. А теперь мне необходимо поговорить с министром обороны, передать все, что я сказал вам. И еще кое-что посоветовать ему, но это уже из разряда военных тайн...

Передав все свои умозаключения министру обороны Пфайфферу, Роман также потребовал, чтобы для его людей провели экскурсию по городу, что выполнили на следующий день. А также им сшили более привычную одежду вместо халатов.

На прогулке по городу без эксцессов не обошлось. Один солдат, когда автобус проезжал по парку, заметил бегающую птицу, очень смахивающую на индюка.

Водитель, ничего не подозревая, выполнил просьбу солдат и остановился, а те с радостными криками стали гонять дичь по поляне, и прежде, чем успели вмешаться лейтенант со старшиной, птице открутили голову и невесть откуда взявшимися ножами начали ее разделывать, только перья летали. На взвод одной оказалось мало, а потому поймали и забили еще нескольких.

Тут же на поляне развели костер и индюшек приготовили на открытом огне. Кто-то разве что посетовал, что не хватает соли, но ее взять точно было негде.

Полиция прибыла, когда от птичек остались одни ножки да рожки. Полицейские стояли с разинутыми ртами, опешив от такого варварства. Лишь один смог сказать:

— Это же были реликтовые животные, занесенные в список исчезающих видов...

– Извини, друг, нормально пожрать охота, сил нет.

– Но... но... – полицейскому было явно нечего сказать.

Так и уехали солдаты, не получив даже штрафа за свое антиобщественное поведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.